

84 (1/2)

Т-13

РАБИНДРАНАТ
ТАГОР

Последняя
ПОЭМА

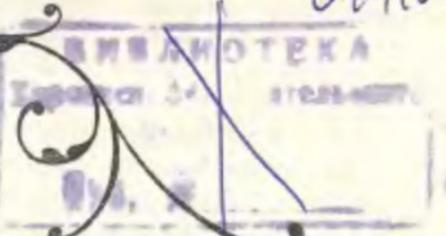
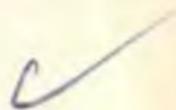
РАБИНДРАНАТ
ТАГОР

Последняя
ПОЭМА

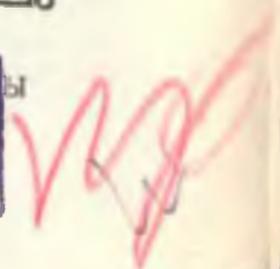
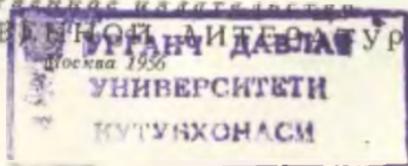
РОМАН

Перевод с бенгальского

014107

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**Книга должна быть
возвращена не позже
указанного здесь срока**

Количество предыдущих выдан _____	

**Удб. шд. РППО «Сотел.» 6/Ф. 101-1-90
шир. 5.200.000, Г. П. Вак. Б-20**

РАБИНДРАНАТ
ТАГОР

Последняя
ПОЭМА

РОМАН

Перевод с бенгальского

014107

✓

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ
ДЕЛ Москва 1956

УНИВЕРСИТЕТИ

Перевод *И. Световидовой*
под редакцией *В. Новиковой*
Стихи в переводе *А. Адалис*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя Рабиндраната Тагора (1861—1941), выдающегося писателя и поэта, патриота и гуманиста, широко известно не только в Индии, но и далеко за ее пределами.

Его произведения, полные жизненной правды и истинной поэтической красоты, открывают новую блестящую страницу в истории индийской культуры и прочно входят в золотой фонд мировой литературы.

Тагор жил в эпоху великих социальных потрясений, в эпоху развертывающейся национально-освободительной борьбы народов Востока против колониализма. Вдохновляющим примером для этой борьбы была Великая Октябрьская социалистическая революция в России, прорвавшая фронт империализма и установившая на одной шестой части земного шара власть рабочих и крестьян.

Все это наложило сильный отпечаток на мировоззрение писателя и идейную направленность его художественного творчества.

Мировоззрение Тагора сложно и противоречиво, как сложно и противоречиво то время, в которое он жил. Писатель не избежал исторической ограниченности, он до конца своих дней оставался идеалистом в вопросах общественного развития, недооценивал руководящей роли пролетариата в борьбе за национальное и социальное освобождение трудящихся, придерживался утопического взгляда на социальные преобразования, полагая, что путем реформ можно достичь всеобщего счастья.

Однако не эти черты являются ведущими в мировоззрении писателя и не они определяют его общественный облик. Гуманист и патриот, враг кастовых и религиозных предрассудков, борец с феодальными пережитками и угнетением человека человеком, страстный и последовательный сторонник раскрепощения индийской женщины — таков Тагор.

Посетив в 1930 году нашу страну, Тагор с глубоким сочувствием, симпатией и восхищением к советским людям правдиво рассказал об их замечательных достижениях в строительстве нового мира. В своей

просветительской и общественно-патриотической деятельности Тагор выступил пламенным защитником дружбы и братства между народами, глашатаем мира.

В тесной связи с эволюцией мировоззрения Тагора развивалось и его поэтическое дарование. Путь Тагора-художника — это путь от индивидуализма и служения чистому искусству к осознанию назначения поэзии как силы общественного воздействия, к политической лирике, к реализму. Поэт воспевает земную человеческую любовь и осуждает аскетизм, выражает веру в высокое призвание человека, веру в его творческие возможности и силу.

В стихотворениях и поэмах позднейшего времени, особенно начиная с двадцатых годов, Тагор выступает тонким и проникновенным лириком и наряду с этим беспощадным и грозным обличителем феодально-капиталистических порядков, недостатков и пороков индийского общества. Помимо многочисленных сборников стихотворений и поэм перу Тагора принадлежат двенадцать романов и повестей, свыше ста рассказов, около тридцати драм и большое количество статей по самым разнообразным вопросам литературы, искусства и политики. Первый роман «Берег Бибхи» написан Тагором в 1883 году, за ним последовали романы «Песчинка» (1901), «Крушение» (1902), «Гора» (1909), «Дом и мир» (1915) и другие, в которых правдиво, широко и красочно отразилась жизнь страны.

Тагор, художник-реалист, явился основателем нового жанра в индийской литературе — жанра бытового психологического романа.

В той же реалистической манере созданы Тагором и его рассказы. Но если в романах изображается преимущественно жизнь верхних слоев индийского общества, то в рассказах центр внимания перенесен на жизнь простых людей: бедняка крестьянина, учителя, ремесленника, мелкого чиновника («Разгаданная загадка», «Учитель», «Неразумный Рамканаи», «Свет и тени» и многие другие).

Все рассказы Тагора согреты чувством большой любви к трудовому человеку, пронизаны горячим сочувствием к его обездоленной судьбе. В них ясно звучит голос писателя-гуманиста, протестующего против социальной несправедливости.

Как в романах, так и в рассказах Тагор большое внимание уделяет индийской женщине. Он создал целую галерею женских образов, пленяющих читателя своими высокими моральными качествами, целомудрием, обаятельной простотой, решительностью и твердостью характера, стремлением к свободе и счастью. Таковы, например, Мохамая («Мохамая»), Мриналь («Письмо женщины»), Ума («Тетрадка»).

Рабиндранат Тагор оказал огромное плодотворное влияние на все последующее развитие литературы Индии, и крупнейшие мастера современного индийского рассказа называют Тагора своим учителем.

Роман «Последняя поэма» написан в конце двадцатых годов в обстановке острой общественно-политической борьбы, охватившей все сферы идейной жизни Индии, в том числе и литературу. Массовый индийский читатель жадно искал в литературе откликов на текущие события, искал в ней верное отображение чувств и мыслей своих современников.

К двадцатым годам в литературе Индии достаточно четко обозначились три группы писателей: писатели старшего поколения (Р. Тагор, Шорот Чондро Чоттопадхья и др.), так называемые «молодые» и эстеты.

Наиболее многочисленной была группа «молодых», объединявшаяся в Бенгалии вокруг журнала «Коллол» («Волна»). «Молодые» подняли «мятеж» в литературе против феодально-капиталистических порядков в Индии, а также против традиционных норм и канонов старой литературы. Борясь с эстетам, уводившими литературу в неведомый мир романтических грез и иллюзий, они проповедовали активное вмешательство в жизнь. Вместе с тем им казалось, что и поэзия Тагора устарела, как устарела вообще вся отечественная классическая литература. «Молодые» упрекали Тагора в том, что он нарочито стремится видеть в действительности лишь прекрасное и закрывает глаза на недостатки.

Тагор пытался отводить упреки «молодых», он вступал с ними в длительные дискуссии, две из которых происходили в его доме в Джорасанко.

«Последняя поэма» (1929) и является в известной мере ответом Тагора на многочисленные горячие споры вокруг его творчества.

Основной темой романа «Последняя поэма» является жизнь современной Тагору «золотой» молодежи Бенгалии.

Именно против этой молодежи он прежде всего направляет острие своей критики, развенчивая и высмеивая ее представителей в лице Омито Рая, Сисси, Лисси, Кети и Норена Миттер, Бими Бос. С горькой иронией и сарказмом Тагор рисует молодых бенгальских аристократов, поездка которых за границу служит не для получения всестороннего и глубокого образования, а для праздных развлечений, бессмысленной траты денег, приобретения внешнего европейского лоска, модных вкусов и привычек.

Перед нами один из таких героев романа, Норен Миттер. Неоднократно он разъезжал по Европе, ему хорошо знакомы ее города. Он безошибочно может назвать в них кварталы, где царит богема... А чего стоят его аристократические замашки! После двух-трех затяжек он уже небрежно отбрасывает дорогую гаванскую сигару, жеманно и чопорно растягивает английские слова. «Кроме того,— добавляет Тагор,— среди людей его круга он считался знатоком извозчицьяй брани и английских ругательств».

Не отстает от брата и его сестра — Кети, манеры которой «в три раза превосходили рафинированные манеры ее брата» и представляли

собой «концентрированную эссенцию заграничного аристократизма». У Кети даже во внешности ничего не осталось от скромной индийской девушки. Она переменяла свое индийское имя Кетоки на Кети, белила щеки так, что требовались огромные усилия, чтобы их отмыть, носила туфли на высоких каблуках, курила, наконец обрезала длинные волосы, составляющие женскую гордость. «Так,— иронически замечает по этому поводу Тагор,— отпавший хвост головастика показывает, что его развитие поднялось на новую ступень». Тагор сатирически изображает и Сисси и Лисси — сестер героя, Омито Рая, этих модниц на высоких каблуках, с подпрыгивающей походкой, в коротких кофточках и в сари, туго обтягивающих их фигуры.

Не без шаржа и иронии представлен и главный герой романа — Омито Рай, который старается произносить свое имя подчеркнуто на английский лад «Омит Рае». Омито Рай тоже «утонченный аристократ»: он не знает, куда девать свое время, как оригинальнее одеться, чем поразить окружающее его общество. Его своеобразный «стиль» заключается в том, что он делает все наоборот: одевает бенгальское платье как раз тогда, когда необходимо одеть европейское, на курорте вместо легкого чтения изучает научную литературу, изъясняется парадоксами и всегда говорит что-нибудь шокирующее.

Обличая самонадеянность и бахвальство Омито, писатель прибегает к оригинальному приему: он заставляет его выступать с развязной критикой... Рабиндраната Тагора.

«Наиболее важным возражением против Рабиндраната Тагора,— заявляет Омито Рай,— является то, что этот господин, подражающий старому Вордсворту, настойчиво продолжает писать стихи... Если он не может удалиться сам, то наш долг заставить его покинуть свой двор насильно... Мое второе обвинение против Рабиндраната Тагора заключается в том, что его литературные произведения округлы, как его почерк, и напоминают о розах, о луне и женских личиках. Это примитивно. Он лишь копирует природу. От нового вождя литературы мы ожидаем произведений, написанных резким почерком, острых, как шипы, как стрелы, как наконечник копья: не нежных, как цветы, а резких, как вспышки света, как боль от невралгии, угловатых и заостренных, как готическая церковь...»

Однако в Омито Рае, к которому Тагор все же относится с некоторой симпатией, имеются и положительные черты. В нем непрерывно борются хорошее и дурное начала: время от времени вдруг появляются у него простота, подлинная любовь и тонкое восприятие родной природы и поэзии. Но все это ненадолго.

Внутренне опустошенным представителям аристократической молодежи Тагор противопоставляет прежде всего Лабонно, обладающую высокими душевными качествами и безупречностью поведения. Лабон-

но — центральный положительный образ романа. Полученное в английском колледже образование ничуть не портит ее. Она интересуется художественной литературой, и характерно, что в круг ее чтения входит «Мать» Горького. Создавая духовный облик героини, Тагор неустанно подчеркивает, что только труд на благо общества облагораживает человека, делает его жизнь целеустремленной.

Положительным героем предстает в романе и будущий муж Лабонно — Шобхонлаал. Родившись в бедной семье, он сумел упорным и напряженным трудом завоевать место в жизни, добиться сердца любимой девушки.

Привлекательными чертами наделена хозяйка Лабонно — Джогомайя, которая отличается исключительной простотой, терпимостью и каким-то особым, свойственным ей, внутренним тактом. Образ Джогомайи перекликается с образом Анондомойи из романа «Крушение», в котором Тагор выражает идеал кроткой, но сильной духом индийской женщины. Джогомайя в романе противопоставляется ее мужу Бородашонкор, типичный представитель консервативной части индийского общества, который, свято соблюдая религиозные обряды и строго придерживаясь кастовой ограниченности, пытается отгородиться от современности.

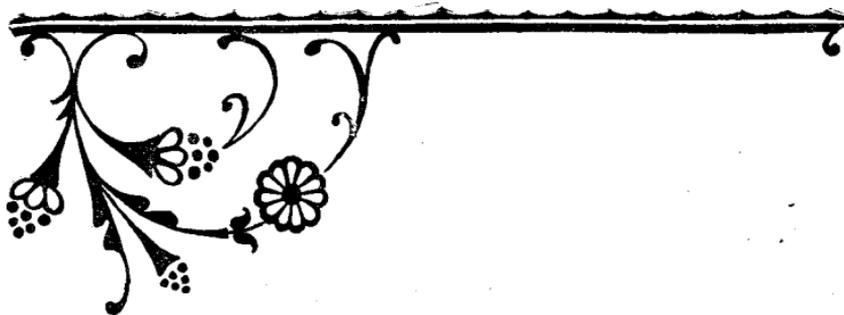
В многочисленных лирических отступлениях, в разговорах и раздумьях героев автор затрагивает много острых и волнующих проблем индийской действительности. Он осуждает хозяйничанье английских колонизаторов в стране и неоднократно высказывает мысль о необходимости социального и национального раскрепощения народа.

В романе излагаются взгляды Тагора на любовь и брак, которые, по его мнению, только тогда становятся прочными и долговечными, когда в основе их лежат полное взаимопонимание, доверие и уважение между мужчиной и женщиной. Писатель — противник той «свободной» любви, которой придерживается Омито Рай. Он пронизывает над мечтами героя о романтическом соединении с Лабонно где-то на берегу Ганга, мечтами, далекими от реальной действительности. Тагор — за свободную, но земную любовь, пронизанную глубоким человеческим чувством и постоянством.

Роман «Последняя поэма» полон ярких сравнений и метафор, он отличается богатством поэтических образов, глубиной психологического анализа и стройностью композиции. Все повествование пронизывает тонкий юмор.

Особую оригинальность придают роману многочисленные стихотворения, которые органически дополняют прозаический текст произведения.

В. Новикова

1. История Омито

Омито Рай — адвокат. Когда его фамилия под влиянием английского произношения превратилась в «Рой», она несомненно утратила свою красоту, но приобрела внушительность. Стремясь придать своему имени оригинальность, Омито писал его так, что в устах его английских друзей и подруг оно превратилось в «Омит Рае».

Отец Омито был непревзойденным адвокатом. Он оставил состояние, достаточное для того, чтобы уберечь от разорения три последующих поколения. Но Омито с легкостью нес груз отцовского состояния. Не окончив курса обучения в Калькуттском университете, он отправился в Оксфорд, где тянул с экзаменами семь лет. У него были способности, но не было прилежания. Недостатки его образования скрывал природный ум. Отец не возлагал на Омито особых надежд, но хотел, чтобы оксфордская краска, пропитавшая ум его единственного сына, могла выдержать местный душ.

Мне нравится Омито. Он чудесный парень. Я новый писатель с ограниченным числом читателей, среди которых Омито — первый. Он увлечен смелостью моего стиля и твердо уверен, что те, кто пользуется известностью на литературном рынке в нашей стране, не имеют своего стиля. Их литературные произведения похожи на верблюда в животном мире. Шея и плечи, живот и спина, зад и перед — все у них неуклюже и неловко. Как и верблюд, они вразвалку

гащатся через пустыню бенгальской литературы. Позвольте мне поспешить заверить критиков, что это мнение не мое.

Омито сравнивает стиль с прекрасным лицом, а стилизаторство — с маской. Стиль, по мнению Омито, — для литературных аристократов, которые не следуют ничьему желанию, кроме своего собственного. Стилизаторство же — для литературных плебеев, дело которых — выполнять волю других. Чтобы понять стиль Бонкима¹, читайте его «Бишбрикхо», характерный для Бонкима, но если хотите прочесть подражание Бонкиму, читайте «Мономохонер мохон баган» Наширама, где от Бонкима ничего не осталось. Профессиональная танцовщица показывает себя публике под сенью парусинового полога, но лицо невесты должно быть спрятано под покрывалом из бенаресского шелка, которое поднимается только для «благоприятного взгляда»². Стилизаторству — парусиновый полог, а стилю — покрывало из бенаресского шелка, каждому нужна подходящая обстановка, чтобы показать свое лицо. Омито утверждает, будто у нас потому так пренебрегают стилем, что мы не осмеливаемся свернуть с протоптанной тропинки. Подтверждение этой истины мы находим в «Пуранах»³ и в рассказе о Дакша-яджня⁴. Индра, Чандра и Варуна⁵, наиболее почитаемые небесные боги, получили, как и полагается, приглашение на церемонию жертвоприношения. Шива⁶ же имел свой стиль, настолько оригинальный, что жрецы сочли неудобным почитать его.

Мне доставляет удовольствие слушать подобные речи из уст бакалавра⁷ Оксфордского университета, так как я верю, что мои произведения отличаются стилем. Поэтому все мои книги ограничиваются одним изданием и не переиздаются.

Брат моей жены Нобокришно никогда не мог спокойно слушать речи Омито и кричал: «Долой твоих оксфордцев!»

¹ Бонким — Бонкимчондро Чоттопадхья — известный бенгальский писатель (1838—1894). «Бишбрикхо» («Отравленное дерево») — его социально-бытовой роман.

² «Благоприятный взгляд» — момент в индийском свадебном обряде, когда жених и невеста впервые видят друг друга.

³ «Пураны» — эпические произведения, основные священные книги индуизма.

⁴ Дакша-яджня — жертвоприношение, посвященное Брахме, богу-творцу.

⁵ В индийской мифологии Индра — бог-громовержец, Чандра — бог луны, Варуна — владыка вод.

⁶ Шива — в индийской мифологии, бог созидания и разрушения.

⁷ Бакалавр — первая ученая степень.

Он сам был грозным магистром¹ искусств по английской литературе. Он много читал, но мало что понимал. Недавно он заявил мне: «Омито возвеличивает мелких писателей, чтобы принизить таланты. Он любит бить в барабан дерзости, а тебя использует в качестве барабанных палочек». К несчастью, во время этого разговора пришла моя жена. Но — о радость — это заявление ей, его родной сестре, совсем не понравилось. Я мог заметить, что ее вкус совпадал со вкусом Омито, хотя ее образование было незначительным. Природный ум женщин удивителен!

Часто меня приводила в замешательство легкость, с которой Омито низвергал знаменитых английских писателей. Это были те авторы, о произведениях которых можно сказать, что они ходки на книжном рынке и уже «апробированы». Вовсе не обязательно читать их, чтобы их восхвалять. Достаточно хвалить их, не читая, чтобы они достигли популярности. Омито тоже не считал нужным читать их, он не затруднялся ругать их с закрытыми глазами. Дело в том, что знаменитые авторы казались ему слишком официальными и массовыми, словно переполненная приемная, а авторы, которых он сам открыл, существовали только для него, как отдельный салон специального поезда.

Омито одержим стилем не только в его литературных склонностях, но и в одежде, вещах, манерах. На его внешности был особый отпечаток. Он казался не одним из многих, а единственным в своем роде, затмевавшим других. У него было круглое, чисто выбритое, румяное лицо с гладкой смуглой кожей. Лицо это было выразительно, глаза смотрели живо. Остроумные реплики вылетали из него мгновенно, как пламя из дула ружья. Он всегда носил бенгальское платье, потому что это не было принято в его кругу. Старательно одетое дхоти² было белым и без каймы, так как люди его возраста не носят обычно такое дхоти. Его рубашка была застегнута от левого плеча до правого бока, а рукава закатаны до локтей. Поверх дхоти он повязывался широким кушаком каштанового цвета с золотой каймой. На левом боку к поясу был прикреплен маленький мешочек из бриндабанского ситца, в котором лежали карманные часы. На ногах у него были красные с

¹ Магистр — вторая ученая степень.

² Дхоти — мужская одежда, цельный кусок материи, закрепленный у пояса.

белым туфли, сделанные сапожниками Катака. Когда он выходил на улицу, то накидывал мадрасский чадор¹, который изящными складками свисал с его левого плеча до колен, а когда он отправлялся в гости к друзьям, он водружал на голову белую вышитую шапочку, какие обычно носят мусульмане Лакнау. Это был не костюм, а дерзкая насмешка. Мне непонятны принципы и его английского наряда, но те, кто разбирается в этом деле, утверждают, что хотя его костюм был просторен и мешковат, однако это было то, что называют бросающимся в глаза. Омито одевался так не для того, чтобы выставить себя в смешном свете, а потому, что у него была неистощимая страсть к высмеиванию моды. Есть много молодых людей, которые должны доказывать свою молодость свидетельством о рождении. Молодость Омито была того редкого рода, который и является настоящей молодостью. Она безоглядна, расточительна, она несется вперед, все затопляет и сметает на своем пути.

У Омито было две сестры. Их звали Сисси и Лисси. С головы до ног они являли собой образец последней моды, словно товар первого сорта в модном магазине. Они ходили на высоких каблуках, поверх коротких кофточек, обшитых тесьмой, носили бусы из янтаря и кораллов. Сари² извилистыми складками туго обтягивало их фигуры. У них была подпрыгивающая и семенящая походка, они громко разговаривали и визгливо смеялись. Чуть склонив голову надок, они чарующе улыбались и бросали многозначительные взгляды. Они умели принять и сентиментальный вид. Вееры их розового шелка все время порхали вокруг их щечек. Присев на ручки кресел, в которых сидели их поклонники, они ударяли их по рукам веером в знак притворного недовольства их шутивными дерзостями.

Свободное обращение Омито со знакомыми девушками вызывало зависть у его приятелей. Он не был безразличен к представительницам прекрасного пола, хотя и не питал склонности к какой-либо одной. Галантность его обхождения распространялась на всех них одинаково. Словом, можно сказать, что он не был увлечен ни одной из них, но был восторженным поклонником всех сразу. Омито ходил на вечеринки, играл в карты, проигрывал, когда хотел этого. Он умел уговорить плохую певицу спеть, а когда видел девуш-

¹ Ч а д о р — кусок ткани, употребляемой как верхняя одежда.

² С а р и — женская одежда, состоящая из цельного куска материи.

ку в одежде ужасного цвета, спрашивал адрес продавца. Беседа со случайной знакомой, он умел настроить разговор на интимный лад, но все знали, что эта интимность рождена полным безразличием. Боги никогда не обманываются, когда молящийся, который поклоняется многим богам, каждого из богов называет «всевышним», но все-таки это им приятно. Мамаши еще не теряли надежды, но дочки давно уже обнаружили, что Омито, как золотая полоска на горизонте,—кажется уже рядом, но все-таки недостижима. Его взор порхал по многим девушкам, но не оставался ни на одной. Поэтому-то он и был так отважен на тернистой тропинке разговоров. Он легкомысленно флиртовал со всеми. Хоть вблизи и находилось воспламеняющееся вещество, он был хорошо защищен от пожара.

Недавно на пикнике Омито сидел с Лили Гангули на берегу Ганга. Луна поднималась над темным, погруженным в безмолвие противоположным берегом. Омито прошептал:

— Лили, восходящая луна по ту сторону Ганга, ты и я на этой стороне — такое никогда больше не повторится.

В первое мгновение сердце Лили вздрогнуло, но она знала, что слова эти не имели никакого тайного смысла, они значили не больше, чем мыльный пузырь. Стряхнув с себя наваждение, она рассмеялась и ответила:

— Омит, то, что ты сказал,— так верно, что об этом не следовало и говорить. Только что лягушка бултыхнулась в воду, и это тоже никогда не повторится.

Омито рассмеялся.

— Тут есть разница, Лили, большая разница. В этот вечер прыжок лягушки второстепенен, но ты, я, луна, плеск Ганга и звезды в небе — это такое же гармоническое целое, как «Лунная соната» Бетховена. Этот миг мне представляется прекрасным золотым кольцом, украшенным сапфирами, алмазами, изумрудами, кольцом, которое выковал безумный небесный ювелир в мастерской Вишвакармы¹ и которое он в один прекрасный день уронил в море, где никто не найдет его.

— Ну, и очень хорошо. Тебе не стоит тревожиться, Омит. Ювелир Вишвакармы не пришлет тебе счета для оплаты.

— Но, Лили, представь, что мы по воле судьбы встретимся через миллионы лет под сенью багряных лесов пла-

¹ Вишвакарма — мифический архитектор и художник.

неты Марс на берегу бесконечного канала. Вообрази, что рыбак из «Сакунталы»¹ вскрыет рыбу и достанет для нас это удивительное золотое мгновение сегодняшнего дня, а мы не узнаем его. Что тогда будет?

— Тогда,— ответила Лили, слегка ударяя Омито веером,— золотое мгновение опять затеряется в океане и никогда больше не будет найдено. Ты упустил много таких мгновений, изготовленных безумным ювелиром. Их не счесть, ты забыл о них.

И Лили быстро встала и присоединилась к своим подругам. Такие эпизоды в жизни Омито случались часто.

— Оми, отчего ты не женишься? — приставали к нему сестры Сисси и Лисси.

— Первое, что необходимо для женитьбы,— ответил Омито,— это невеста, а потом уже жених.

— Ты меня удивляешь! На свете столько девушек! — воскликнула Сисси.

— Это в старину женились, познакомившись через гуся², а я хочу познакомиться с девушкой сам. Она должна быть первой среди других.

— Но когда она войдет в твой дом,— упорствовала Сисси,— первым будешь ты, а она второй, она будет известна благодаря тебе.

— Местопребывание девушки, к которой я тщетно стремлюсь, неизвестно. Она еще не достигла своего дома. Она сверкнула в моем сердце, как метеор, и исчезла в пространстве, не коснувшись порога родного дома.

— Другими словами, она нисколько не похожа на твоих сестер,— заметила Сисси.

— Другими словами, она не явится простым пополнением семьи,— подтвердил Омито.

— Кстати,— вставила Лисси,— разве мы не знаем, что Бимми Бос только и ждет Оми? Стоит ему кивнуть, и она прибежит к нему. И почему это она ему не нравится? Может быть, ей не хватает культуры? Она была первой на

¹ «Сакунтала» — драма знаменитого индийского драматурга и поэта Калидасы (V в. н. э.).

² «... познакомившись через гуся...» — намек на древнее индийское сказание о «Нале и Дамайанти». Царь Наль, влюбленный в царевну Дамайанти, послал к ней златоперого гуся с просьбой поведать о его любви.

экзаменах по ботанике на степень магистра! Разве ученость не является признаком культуры?

— Ученость — это кристалл благородного алмаза, а блеск, излучаемый алмазом, — это культура. Ученость обладает весом, а культура — блеском.

— Послушайте его! — вспыхнула Лисси. — Ему не нравится Бимми Бос! Как будто он достоин ее! Ну, теперь я предупрежу Бимми Бос, чтобы она и не смотрела на него, даже если он с ума будет по ней сходить.

— Если я захочу когда-нибудь жениться на Бимми Бос, значит — я сошел с ума. Тогда подумайте о лекарстве, а не о свадьбе.

Родные и знакомые Омито потеряли надежду на то, что он когда-нибудь женится. Они решили, что он не способен нести ответственность, налагаемую семейной жизнью, и поэтому предается бесплодным мечтам и удивляет людей парадоксами. Его ум — как блуждающий огонек, который заманивает, но который никогда нельзя поймать.

Меж тем Омито бросался от одного занятия к другому. То он угощал знакомых чаем в ресторане Фирпо, то неизвестно зачем катал друзей на машине, повсюду накопил разных вещей и раздавал их, покупал английские книги и забывал их у знакомых. Сестер больше всего беспокоила манера Омито противоречить. В любом приличном обществе он непременно говорил что-нибудь, шокировавшее окружающих.

Однажды, когда какой-то политик восхвалял демократию, Омито оборвал его:

— Когда Вишну¹ разделил тело Сати² на куски, всюду, куда упали частицы ее тела, возникли святые места. Демократия сегодня занимается поклонением разбросанным частицам старой аристократии. А мелкие аристократишки наводнили землю — они появляются в политике, литературе, общественной деятельности. У них нет никакого чувства собственного достоинства, так как они сами не верят в себя.

В другой раз, когда поборник социальных реформ и освобождения женщин порицал мужчин за то, что они угнетают женщин, Омито небрежно заметил, вынув сигару изо рта:

¹ Вишну — в индийской мифологии, бог-хранитель.

² Сати — жена бога Шивы.

— Когда прекратится деспотизм мужчин, начнется деспотизм женщин. А деспотизм слабого ужасен.

Все женщины и защитники женщин были возмущены.

— Что это значит? — спросили они.

Омито пояснил:

— Кто имеет клетки, тот сажает в клетки птиц, то есть совершает над ними насилие. А у кого нет клеток, опьяняет свою жертву опиумом, то есть одурманивает ее. Первые совершают насилие, но не одурманивают, вторые не только одурманивают, но и совершают насилие. Хитрость женщин — опиум. Женщин поддерживают злые силы природы.

Как-то темой обсуждений в их баллиганджском литературном кружке была поэзия Рабиндраната Тагора. Первый раз в жизни Омито согласился занять председательское место. Он отправился туда, приготовившись к битве. Оратор, почтенный человек, приверженец старых порядков, старался доказать, что поэзия Тагора — настоящая поэзия. Кроме двух профессоров колледжа, все вежливо согласилось с тем, что его доводы совершенно убедительны.

Тогда поднялся председатель и сказал:

— Поэт должен писать стихи не более пяти лет, от двадцати пяти до тридцати лет. От его последователей мы должны требовать произведений не лучших, чем у него, но отличных от него. Мы не требуем манго¹, когда кончился их сезон. Тогда мы спрашиваем ата². Мы недолго наслаждаемся зелеными кокосовыми орехами — изобилие сока кратковременно, гораздо дольше держатся спелые кокосовые орехи. Так и поэты кратковременны, а философы вечны. Наиболее важным возражением против Рабиндраната Тагора является то, что этот господин, подражающий старому Вордсворту³, настойчиво продолжает писать стихи. Много раз Яма, бог смерти, посылал вестника погасить светильник его жизни, но этот человек все цепляется за свой трон. Если он не может удалиться сам, то наш долг заставить его покинуть свой двор насильно. Его последователи будут звонить и кричать, что его царствование не кончилось, что сами бессмертные прикованы к решетке его гробницы. Некоторое время поклонники будут превозно-

¹ Манго — сладкий, нежный плод.

² Ата — плод с нежным соком.

³ Вордсворт Вильям (1770—1850) — английский поэт-лирик.

силь, прославлять и восхвалять его, но затем настанет время для жертвоприношения, когда его приверженцы будут шумно требовать освобождения от оков преданности. Именно так четырехное божество почитается в Африке. Так следует почитать двух-, трех-, четырех- и четырнадцатистопных богов стихотворных размеров. Не может быть худшего оскорбления религии, чем то, когда почитаемое божество свергают одним ударом. Поклонение также имеет свою эволюцию. Если то, чему мы поклонялись в течение пяти лет, все еще цепляется за свой пьедестал, ясно, что бедное существо не знает, что оно уже умерло. Нужен толчок сверху, чтобы доказать, что сентиментальные родственники чересчур затянули похоронный обряд, очевидно, стремясь обмануть законных наследников. Я поклялся разоблачить этот недостойный сговор защитников Тагора.

Наш Монибушон перебил, сверкая очками:

— Вы хотите изгнать лояльность из литературы!

— Совершенно. Теперь культ литературного диктаторства становится устарелым. Мое второе обвинение против Рабиндраната Тагора заключается в том, что его литературные произведения округлы, как его почерк, и напоминают о розах, о луне и женских личиках. Это примитивно. Он лишь копирует природу. От нового вождя литературы мы ожидаем произведений, написанных резким почерком, острых, как шипы, как стрелы, как наконечник копья; не нежных, как цветы, а резких, как вспышки света, как боль от невралгии, угловатых и заостренных, как готическая церковь, а не закругленных, как портик храма. Не беда, даже если они будут сходны с парусиновой, джутовой фабрикой или правительственным зданием. Вырвите свой ум из лживых поэтических оков, как Равана¹ похитил Ситу. И если ваш ум будет рваться, плакать и стенать, все равно ему придется покориться. А если старый Джатаю² бросится на помощь, пусть он встретит свою смерть. Все равно скоро пробудится обезьяний народ Кишкиндхи³, и Хануман...⁴ прыгнет на Ланку, подожжет город и вернет разум в его старое жилище. Тогда мы будем приветствовать наше вос-

¹ Равана — персонаж древнеиндийского эпоса «Рамаяны», злой демон, который похитил красавицу Ситу, жену Рамы.

² Джатаю — царь коршунов.

³ Кишкиндха — столица мифического царства обезьян, описанного в «Рамаяне».

⁴ Хануман — царь обезьян, друг Рамы.

Очи

соединение с Теннисоном¹, проливать потоки слез на груди Байрона и просить прощения у Диккенса, оправдываясь тем, что мы отвергли их на время, дабы излечиться от собственных заблуждений. Если бы со времен могольских императоров² и до сих пор безумные архитекторы возводили по всей Индии только воздушные замки, увенчанные куполами, то всякому порядочному человеку пришлось бы удаляться в леса³, едва достигнув двадцати лет. Чтобы оценить Тадж-Махал⁴, надо освободиться от его очарования.

Тут надо заметить, что от бурного натиска слов, с которым докладчик был не в силах справиться, голова у него пошла кругом. Его доклад был еще менее понятен, чем доклад Омито. Те несколько крупиц, которые можно было спасти, воспроизведены выше.

При упоминании Тадж-Махала один из приверженцев Тагора вскочил и возбужденно крикнул:

— Чем больше мы имеем хорошего, тем лучше для нас!

— Как раз наоборот,— отпарировал Омито.— Чем меньше хороших вещей в царстве творца, тем лучше, так как своим изобилием они низводят себя до уровня посредственностей. Поэты, которые не стыдятся жить по шестьдесят — семьдесят лет, сами наказывают себя, снижая себе цену. В конце концов их подражатели изменяют им и смеются над ними. Творения таких долгопишущих поэтов утрачивают всякое своеобразие. Воруя у своего собственного прошлого, эти поэты скатываются до положения тех, кто принимает краденое. В таких случаях обязанность читающей публики ради блага человечества — не позволять этим престарелым писателям влачить существование. Я имею в виду поэтическое существование, а не физическое. Пусть они существуют в старости как опытные профессора, искусные политики, умелые критики.

Предыдущий оратор задал вопрос:

— Позвольте узнать имя вашего кандидата в литературные диктаторы?

¹ Теннисон Альфред (1809—1892) — английский поэт.

² Могольские императоры — династия, правившая в Индии с 1526 по 1858 год.

³ «...удаляться в леса...» — по индусским воззрениям, всякий правверный индус, достигнув преклонных лет, должен удаляться в леса и предаваться там религиозным размышлениям.

⁴ Тадж-Махал — знаменитый беломраморный мавзолей, который шах Джахан воздвиг в память своей любимой жены.

— Нибарон Чокроборти,— с готовностью ответил Омито.

— Нибарон Чокроборти? Кто это такой? — прозвучал хор удивленных голосов.

— Из маленького семени этого вопроса завтра вырастет могучее дерево ответа.

— Но пока мы хотели бы услышать образцы его творений.

— Ну, так слушайте.— С этими словами Омито вынул из кармана узкую длинную записную книжку в парусиновом переплете и начал читать:

Неизвестное имя
Я принял
На старой земле —
На знакомой дороге, давно уже людям известной...
Я — пришелец.
Усмешка огромная
Идола темной толпы —
Это Я.

Но откройте ворота!
Гордый вызов создателя мира
Это я вам принес!
Величайший творец,
Величайший владыка веков и вселенных без счета,
Тот, кто вечностью вправе владеть,—
Это он!

Неразборчиво, косо начертанный вызов
Это он вам послал.
Я принес.

Кто бесстрашней других? —
Вот вопрос.
Кто отважен?

Пусть жизнью рискнет!
Пусть письмо, принесенное мной,
Он посмеет принять.
Где такой?
Тихо, слушайте!
Слишком тупа
Эта мне преградившая путь,
Эта злая толпа!

Ее гнев, ее призрачный гнев
Тщетно бьется, кипя, о мою неприступную грудь!
Вот обрушился снова...

Тщетно бьются о берег скалистый
Незримые волны,
Разрушая лишь сами себя!..
А вы слушайте слово.

Нет цветочной гирлянды на мне,
Нет кольчуги на мне,

Нет браслетов!
С обнаженной грудью стою,
И на лбу
Знак победы незримо начертан.
Так я встречу победу мою,
Только так!
Так я встречу удачу.
Весь в лохмотьях, последний бедняк,—
Но сокровища ваши истрачу.
Откройте ворота!
Вот я руку уже протянул...
Вот победы невидимый знак...
Все немедленно отдайте, что следует мне,—
Все, что сам я назначу!
Ваши клетки грудные дрожат, и засовы трещат...
Содрогнулась земля,
Из напуганных душ рвется крик,—
Небосвод раскололся от крика,—
Он и громок и дик! —
Это сам я кричу для себя:
«Прочь отсюда!
Попрошайка упрямый,
Назад!
Прочь! Тебе не пробиться.
Это твой нестерпимо-кружащийся крик,
Как бездомный убийца,
Нож вонзил
В грудь спокойного сна!..»

Вы! Возьмитесь за меч!
Мне вонзите со скрежетом в грудь...
Смертью пусть уничтожится смерть:
Что беречь? —
Я дарю вам мою безгранично-бессмертную жизнь
И мой путь!..
Прочно выкуйте цепи.
Заточите меня — разобью.
Ошибетесь жестоко!
Оковы мои и темницу мою
Разобью во мгновение ока.
Будет ваша свобода — моей!..

Принесите священные книги!
Забросайте меня афоризмами пánдитов,
Градом цитат...
Заклинаний сверкающий град
Станет нудным дождем,
Цепи доподов будут разбиты,—
Замутненный угаром изношенных фраз,
Прояснится
Свет проснувшихся глаз!..

Зажигайте огни!
Если то, что сегодня прекрасно для нас,
Завтра станет худым,—
Зажигайте огонь!
Пусть сгорит этот мир,—
И, сгорая в свой час,
Обращается в пепел и дым!
Прогоните ненужное горе!
И меня испытайте огнем!
Да здравствует весь погребально блистающий мир! —
Не печальтесь о нем.

Обрушьте кулак
Речей безъязыких моих
На головы недругов! —
Всех пробудив — устршите,—
Да смутит их мой бешеный стих!
Пусть подвижник из храма,—
Любитель покоя,—
Любитель нирваны и снов,—
Пусть любой из таких
Громко по лбу ударит себя!
Пусть признают они
С удивленьем, и гневом, и ужасом,
Боясь и скорбя:
Победил незнакомец! —
Тот их всех победил в этот раз,
Чей громовый кулак
В жестокую бурю бойшакха — весеннего месяца —
Землю потряс! —
Скупость медленных туч победил
И богатство воды утаенное —
Освободил!..

Защитники Тагора молча удалились. Они пригрозили ответить в печати.

Возвращаясь после столь успешного разгрома аудитории домой в машине Омито, Сисси сказала:

— Я уверена, ты заранее придумал этого Нибарона Чокроборти и принес его в кармане специально для того, чтобы поставить этих почтенных людей в глупое положение.

— Того, кто приближает будущее, называют творцом будущего. Таков и я. Сегодня Нибарон Чокроборти пришел на землю, и никто его не остановит.

Сисси втайне очень гордилась братом. Она спросила:

— Что же, Омито, ты каждое утро садишься готовить запас своих убийственных высказываний на весь день?

— Готовность ко всяким неожиданностям — признак культуры. Варварство всегда бывает захвачено врасплох. Это тоже записано в моей книжке.

— Но у тебя нет собственных убеждений. Ты всегда говоришь то, что должно поразить в данный момент.

— Если бы я замазывал зеркало моего разума готовыми убеждениями, оно не отражало бы каждого проходящего мгновения.

— Оми, твоя жизнь пройдет среди теней.

2. Столкновение

В конце концов Омито решил отправиться в Шилонг¹. Причины этого были следующие: никто из его знакомых еще не бывал там; кроме того, в тех краях не было такого леса невест, как здесь. Божественный стрелок, который избрал сердце Омита своей мишенью, ограничил свою деятельность феенебельным обществом. А Шилонг, помимо того, что предоставлял много чудных мест для прогулок в горах, еще и ограничивал сферу действий этого стрелка. Сестры Омито объявили свое мнение, решительно покачав головками:

— Если тебе надо — поезжай один, а мы не поедem.

Облачившись в одеяния, имитирующие персидские шали, вооруженные изящными модными зонтиками и теннисными ракетками, сестры отправились в Дарджилинг. Бимми Бос уехала туда раньше них. Когда она увидела, что сестры приехали без брата, она посмотрела вокруг и обнаружила, что в Дарджилинге много народу, но нет интересных людей.

Омито сообщил всем, что едет в Шилонг насладиться одиночеством. Но через несколько дней он обнаружил, что отсутствие большого общества уменьшает прелесть одиночества. Омито не имел пристрастия к прогулкам с фотоаппаратом. Он говорил, что он не турист и любит наслаждаться пейзажем, а не скользить по нему глазами.

¹ Шилонг — горная местность на северо-востоке Индии, курортное место.

Он коротал время, читая книги в тени деодаров¹ на горных склонах. Он не читал беллетристики, потому что беллетристику во время отдыха читают все. Вместо этого он начал «Происхождение и развитие бенгальского языка» Сунити Чаттерджи только для того, чтобы поспорить с автором. В промежутках между занятиями филологией и скукой его внезапно поражала красота гор, но полностью она не доходила до него, словно вступительные такты какой-то мелодии, которая все время повторяется и никак не может закончиться. В его душе царила неразбериха, не было единства, поэтому он не мог сконцентрировать внимания на чем-нибудь одном. Отсутствие единства в нем самом вызывало у Омито постоянное чувство беспокойства и неудовлетворенности, не менее мучительное здесь, чем в городе. Но если в городе он мог заглушать это чувство различными способами, то здесь беспокойство, кажется, возросло и прочно поселилось в нем, как водопад, встретивший препятствие и разлившийся озером. Как раз тогда, когда он решил спуститься с гор и побродить по равнинам Силхета и Силчара, куда его влекло, пришел месяц ашарх², и горы и леса окутались непроницаемой пеленой дождя. Сообщалось, что около Черапунджи³ гряды гор задержали нашествие облаков, но очень скоро горные потоки, переполненные сильными ливнями, бешено помчатся с гор. Поэтому Омито решил на несколько дней поселиться в гостинице в Черапунджи и создать такой «Облако-вестник»⁴, в котором возлюбленная из невидимой Алаки⁵ будет вспыхивать на небе его мыслей подобно бесплотной молнии, не оставляя следа. Он одел грубошерстные носки, какие носят горные жители, прочные башмаки на толстой подошве, короткие брюки до колен, широкую блузу защитного цвета с поясом и пробковый шлем. Он был далек от сходства с якшей, каким его изобразил Абаниндрат Тагор⁶, и более напоминал горного

¹ Деодар — гималайский кедр.

² Ашарх — третий месяц бенгальского календаря, длится с середины июня по середину июля.

³ Черапунджи — город на склоне Ассамских гор на северо-востоке Индии.

⁴ «Облако-вестник» — поэма Калидасы.

⁵ Алака — в индийской мифологии, столица Куберы, бога богатства.

⁶ Абаниндрат Тагор — выдающийся индийский художник (XX в.), основатель школы так называемого бенгальского возрождения.

инженера на дорожных работах. Однако в кармане у него лежало несколько тоненьких книжечек со стихами на разных языках.

Дорога к дому Омито была узкой и извилистой. Справа от нее находился обрыв, поросший лесом. Омито беспечно вел машину, пренебрегая звуковыми сигналами, так как было мало вероятно, чтобы кто-нибудь еще передвигался по ней. Он размышлял о том, что в настоящее время мотор-вестник лучше всего подходит для того, чтобы через него послать весть далекой возлюбленной. В нем в достаточном количестве есть скопление «дыма, огня, воды и ветра»¹, а если шоферу дать еще и записочку, то никаких неясностей не останется. Он решил в начале ашарха отправиться на автомобиле по дороге, описанной в «Облаке-вестнике». Быть может, волей судьбы он встретит какую-нибудь Авантику или Малявику², которая будет ждать его у порога дома, или по непредвиденной случайности встретит одну из нимф гималайских теодаровых лесов.

Как раз тогда, когда он достиг поворота, он неожиданно увидел автомобиль, двигавшийся навстречу ему. Разъехаться было негде. Омито нажал на тормоза, но автомобили столкнулись. Однако это не было катастрофой. Встречный автомобиль откатился назад и остановился.

Из машины вышла девушка. На мрачном фоне смертельной опасности она явилась, как силуэт, обрисованный молнией, ярко выделяясь среди окружающей обстановки. Редкое зрелище предстало перед Омито — Лакшми³, вновь вышедшая из океана при взбалтывании его горой Мандара⁴, в то время как грудь океана еще бурно вздымалась от бури. В гостинной среди толпы эта девушка никогда не явила бы всех сокровищ своей души. На земле есть много достойных людей, но нужна подходящая обстановка, чтобы их узнать.

На девушке было шерстяное белое сари с узкой каймой, такая же шерстяная кофточка, на ногах индийские бе-

¹ «Скопление дыма, огня, воды и ветра» — так в «Облаке-вестнике» описывается облако.

² Авантика и Малявика — героини произведений Калидасы.

³ Лакшми — богиня счастья, красоты и богатства; всплыла из молочного океана, когда его пахтали боги и демоны, чтобы получить напиток бессмертия.

⁴ Гора Мандара — служила мутовкой при пахтанье молочного океана.

ые тупельки из кожи. Продолговатые глаза мягко светились в тени густых ресниц. Волосы были откинuty с широкого лба назад и закручены узлом. Прелестное лицо с округлым подбородком было красиво, как созревающий плод. Рукава кофточки доходили до запястий, на обеих руках было по простому тонкому браслету. Свободный конец сари, не заколотый брошью, был накинут на голову и прикреплен к волосам серебряной булавкой работы кагакских мастеров.

Омито, оставив шляпу в автомобиле; подошел и остановился перед девушкой безмолвно, как человек, ожидающий наказания. Девушку, казалось, тронула его беспомощная поза.

— Простите, я виноват,— пробормотал Омито.

— Это не вина, это ошибка. И ее совершила я,— улыбкой ответила девушка.

Голос ее был ровен, он напоминал журчанье фонтана и был нежен и звучен, как у мальчика. Вернувшись домой в тот вечер, Омито долго думал, на что похож ее голос. Он записал в своей книжечке: «Ее голос разливается, как клубы дыма душистого табака в кальяне, сгущенного от пропускания через воду, освобожденного от едкого привкуса никотина и приправленного тонким ароматом розы».

Девушка добавила в извинение:

— Я собиралась встретить друга, который должен приехать. В самом начале пути шофер сказал, что мы едем не по той дороге. Так как мы нигде не могли повернуть, мы поехали дальше, и ваш автомобиль столкнулся с нашим.

— Виноват не автомобиль,— сказал Омито,— виновата скверная злая звезда, это ее проделки.

Шофер доложил, что автомобиль не имеет серьезных повреждений, но потребуется время, чтобы привести его в движение.

— Если вы простите мой автомобиль,— осмелился предложить Омито,— я доставлю вас куда угодно.

— Благодарю вас, этого не нужно. Я привыкла ходить по горным дорогам.

— Но это нужно мне. Это докажет, что вы простили меня.

Девушка молчала, колеблясь.

— Вот еще что я хочу сказать,— добавил Омито.— Водить машину — не велика заслуга. Управляя машиной, нельзя въехать в будущее. Однако при первом знакомстве вы

узнали меня только как шофера. Такова моя судьба. Она несправедлива. Позвольте мне хотя бы доказать, что мои достоинства по крайней мере не ниже достоинств вашего шофера.

Из страха перед неизвестными опасностями девушки робеют при первом знакомстве. Но тут испуг от столкновения сразу прогнал первую нерешительность. Нетерпеливая судьба остановила их посреди безлюдной горной дороги, чтобы соединить их души во взаимном откровении. Внезапный свет молнии открывает перед глазами картину бодрствующей ночи. Яркое ощущение этого возникло в их сознании. Это было похоже на огненную вспышку солнечной системы на голубом небе в результате гигантского космического переворота.

Не отк азываясь больше, девушка села в автомобиль. Когда они доехали, она сказала Омито:

— Если у вас будет время, загляните сюда завтра. Я познакомлю вас с хозяйкой дома.

Омито хотел сказать: «У меня достаточно времени, я могу зайти хоть сейчас», — но от смущения не решился.

Вернувшись домой, он записал в своей записной книжке: «Какое безумие совершила сегодня дорога! Вырвала из разных мест двух человек и направила их, может быть с этого дня навсегда, по одному пути. Астрономы ошибаются. Из неизвестной сферы луна вторглась в орбиту земли, их колесницы столкнулись, и с момента этого фатального столкновения они совершают свой путь вместе, век за веком, и свет одной отражается на лице другой. Союз их движения не расторгим. Я слышу, как сердце говорит мне, что мы тоже начали наш путь вместе, что мы будем собирать по дороге золотые мгновения и вплетать их в гирлянду нашего путешествия. Мы не будем ждать милостей у дверей судьбы. Все будет приходить к нам неожиданно».

Лил дождь. Рассаживая по веранде, Омито взывал: «Где ты, Нибарон Чокроборти? Явись ко мне, дай мне слова, дай мне голос!»

Омито вынул длинную тонкую записную книжку, и Нибарон Чокроборти продиктовал:

Нас дорога крепчайшими узами спутала вместе,
Мы — ветра попутчики, путь не имеет конца...
Разноцветных мгновений пыльца драгоценная
Красной пудрой веселья весеннего осыпает сердца...

Небесные девушки в танце играют с лучами...
Сердца трепетать заставляют, как в страхе,
Внезапные искорки света случайного...

Нет цветов золотого чампака у нас, нет у нас шалаша,
Нет аллей у входа, усыпанной цветом бакула...
Но порою вдруг в сумерках ловишь, глубоко дыша:
Странной свежестью тайных цветов потянуло!
На рассвете, краснея, плывут неуклонно
Надменные, высокомерные облака,
Будто гроздь на ветках богатого рододендрона,
И светят земле свысока...

Нет накопленных кладов — ни в ларце, ни в зале,
Не подверглись мы нежным заботам родни...
Но павлина, что хвост распускает у края дороги,
Не посадим мы в клетку в счастливые дни!
С распростертыми крыльями птицы — любовники воли —
Пусть, попарно летая, поют... Мы — они!
На морях приключений, не зная ни страха, ни боли,
Мы купаемся в блеске, — взгляни!

Теперь надо оглянуться назад. Если мы не поговорим о прошлом, наш рассказ не продвинется вперед.

3. Первое отступление

На первой стадии введения английского образования в Бенгалии разразилась общественная буря. Это произошло вследствие разницы температур между воздушными массами английских школ и колледжей и атмосферой центров старого обучения при индусских храмах. В эту бурю оказался вовлеченным Ганодашонкор. Он родился в прошлую эпоху, но время его рождения каким-то образом переместилось далеко вперед, в нашу эпоху. Он родился раньше времени и поэтому образом мыслей, речью и манерами отличался от своих современников. Ему, словно птице, ныряющей в волнах, доставляло удовольствие подставлять свою грудь под удары людских порицаний.

Когда внуки таких дедушек пытаются исправить ошибки календаря, они обычно ударяются в другую крайность. И тут произошло именно так. Внук Ганодашонкора, Бородашонкор, после смерти своего отца ухитрился стать по своим взглядам совершенно первобытным человеком по

сравнению с дедом и отцом. Он поклонялся Моноше, богине змей, просил защиты у Шитолы, богини черной оспы, называя ее матерью. Он стал пить наговоренную воду и каждое утро исписывал листы бумаги, выводя имя Дурги¹. Его стараниями проводилась кампания против небрахманских каст², которые поднимали голову, заявляя о своих правах. Для защиты индуизма³ от осквернения учеными исследованиями он напечатал, с помощью своих подпевал, массу памфлетов, щедро бросая в головы современных мыслителей изречения мудрецов древности. В скором времени, неуклонно выполняя все требования индуизма, он воздвиг неуязвимую крепость своего благочестия. Он умер в возрасте двадцати семи лет, восхваляемый многочисленными брахманами, получившими от него в дар коров, золото и землю во имя предков и потомков.

Бородашонкор был женат на Джогомайе, дочери Рамлочона Банерджи, лучшего друга его отца. Отцы учились в одном колледже и ели котлеты в одном отеле. До свадьбы Джогомайя не замечала разницы между обычаями, которые были в семье ее отца и в семье мужа. В доме ее отца девушки учились, могли свободно выходить из дома, некоторые из них даже помещали в журналах иллюстрированные заметки о путешествиях. Но муж решил перевоспитать ее. Поведение Джогомайи определялось в соответствии со строгими предписаниями древних окаменевших обычаев. На ее лицо одели покрывало и на ум тоже. Даже самой богине Сарасвати⁴ покровительнице наук, приходилось испрашивать разрешения, чтобы проникнуть к ней. У нее отнимали английские книги, а к сочинениям бенгальских писателей, относящихся к эпохе после Бонкима, ее и близко не подпускали. Прекрасное издание «Йогавасиштхи Рамаяны»⁵, переведенное на бенгальский язык, долгое время стояло на полке, ожидая, когда она его прочтет. До последних дней своей жизни хозяин дома надеялся, что когда-нибудь ради

¹ Дурга — богиня, особенно почитается в Бенгалии. Имеет много имен. Повторение имен Дурги доставляет ее милость.

² Небрахманские касты — стоящие ниже касты брахманов.

³ Индуизм — одно из наиболее распространенных в Индии религиозных верований.

⁴ Сарасвати — богиня красноречия, покровительница наук.

⁵ «Йогавасиштха Рамаяна» — изложение древнеиндийской философии йога, переданное, по преданию, древним мудрецом Васиштхой его ученику Рамае.

развлечения она прочитает книгу. Джогомае было нелегко схоронить себя в железном футляре древности, точно вещь, положенную на хранение, но она обуздывала свою мятежную душу.

В этой духовной неволе единственным утешением для нее был Диншорон Беданторотно, их домашний жрец. Он высоко ценил ее ясный природный ум. Он прямо говорил ей:

— Все эти религиозные трудности не для тебя, дочь моя. Глупцы обманывают не только сами себя, их обманывает весь мир. Ты думаешь, мы сами во все это верим? Посмотри, как мы во время богослужения без зазрения совести искажаем шастры¹, если нам это надо. Это значит, что мы не признаем религиозных условностей, мы прикидываемся дураками для дураков. Если ты сама не хочешь обманывать себя, то уж я-то тебя обманывать не буду. Когда захочешь, дочь моя, присылай за мной, я почитаю тебе места из шастр, в которые сам верю.

Он часто приходил и читал Джогомае то «Гиту»², то «Брахмабхашью»³. Джогомае задавала вопросы, заставлявшие его удивляться ее уму, и ему никогда не надоедало с ней беседовать. Он глубоко презирал духовных наставников и советников, которыми окружил себя Бородашонкор. Беданторотно признавался Джогомае:

— Дорогая моя, из всего города мне приятно бывать только у тебя дома. Ты исцелила меня от укоров совести.

Так среди молитв и постов цепочкой тянулись ее дни. Ее жизнь была во всем «строго регламентирована», если выразиться языком современных журналистов. После смерти мужа она стала вместе с детьми проводить зиму в Калькутте, а лето в горах. Ее сын Джотишонкор учился в колледже, а так как ей не нравились учебные заведения для девочек, то для своей дочери Шуромы она после долгих поисков пригласила Лабонно. С ней Омито и встретился сегодня так неожиданно на дороге.

¹ Ш а с т р ы — древние священные книги.

² «Г и т а» — «Бхагавадгита» — «Песнь господ», философская поэма, входящая в состав VI книги «Махабхараты», древнего эпоса Индии.

³ «Б р а х м а б х а ш ь я» — комментарии знаменитого индийского философа Шанкарачарьи (VIII — IX в. н. э.) к философским трактатам Веданте.

4. Прошлое Лабонно

Отец Лабонно, Обониш Дотто, был директором английского колледжа в Индии. Его жена умерла. Он воспитал дочь так, что у нее даже после бесконечных экзаменов не пропала охота к занятиям. Она и теперь стремилась к знаниям.

Единственной страстью отца была наука, но любовь к дочери затмила ее. Он любил дочь даже больше, чем свою библиотеку. Он был убежден в том, что если человек занят науками, то у него не остается отверстий для проникновения газа легкомыслия, и такому человеку вовсе не обязательно вступать в брак. Он твердо верил, что если в сердце его дочери и была благоприятная почва для мыслей о браке, эта почва зацементировалась историей и математикой, и сердце Лабонно стало крепким, как скала, так что никакие внешние воздействия не смогут поколебать его. Он подумывал даже о том, чтобы Лабонно никогда не выходила замуж и всю жизнь посвятила науке.

Был у него еще один предмет любви. Его звали Шобхонлал. Он обладал прилежанием, редким для его возраста. Все в нем привлекало взор: большой лоб, ясные глаза, добрый изгиб губ, открытая улыбка и правильные черты лица. Он был очень застенчив и тотчас смущался, если кто-нибудь обращал на него внимание. Шобхонлал происходил из бедной семьи и старательно карабкался по ступенькам знаний, преодолевая высоты трудных экзаменов. Обониш лелеял в душе надежду, что со временем Шобхон прославится и тогда среди его учителей первым будут упоминать имя Обониша Дотто.

Шобхонлал приходил в смущение от одного вида Лабонно. Из-за этого смущения он много терял в ее глазах. Если застенчивый мужчина не заставит женщину обратить на него внимание, то она и не обратит.

Но вдруг в дом нагрянул Нонигопал, отец Шобхонлала, и нанес Обонишу совершенно неожиданное оскорбление. Он обвинил его в том, что он расставляет в своем доме лавушки для женихов, делая вид, будто учит их. Он говорил, что Обониш в своем стремлении переделать общество хочет лишить касты Шобхонлала, женив его на Лабонно, принадлежавшей к более низкой касте. В доказательство он предъявил портрет Лабонно, нарисованный карандашом.

Он обнаружил этот портрет, осыпанный лепестками роз, в оловянной коробочке у Шобхонлала. Нонигопал не сомневался, что этот портрет Лабонно подарила ему в знак любви. Математический ум Нонигопала до копейки высчитал стоимость нынешнего Шобхона как жениха и то, насколько дороже он будет стоить в дальнейшем. И такую ценную персону Обониш хочет заполучить даром! Как же это называть, если не кражей со взломом? Разве эта кража отличается от кражи денег?

До сих пор Лабонно даже и не предполагала, что ее образу воздается поклонение на тайном алтаре, невидимом для людских глаз. Как-то в библиотеке Обониша среди различных брошюр и журналов Шобхонлалу попалась заброшенная фотокарточка Лабонно. Он попросил своего друга-художника нарисовать с нее портрет и положил фотографию на место. Розы он нарвал в саду друга; они были так же лишены дерзости, как и его стыдливая, робкая любовь. И все-таки и им и ему пришлось понести наказание. Опустив пылающее лицо, украдкой вытирая слезы, застенчивый юноша простился с этим домом.

Находясь вдали, Шобхонлал дал последнее доказательство своей любви. Но об этом было известно только всевышнему. На экзаменах на степень бакалавра он занял первое место, а Лабонно оказалась на третьем. Это больно задело Лабонно по двум причинам. Лабонно всегда не нравилось, что отец так восхищается способностями Шобхонлала, но еще больше не нравилось, что к этому восхищению примешивалась любовь. Она изо всех сил старалась обогнать его на экзаменах, но когда он оказался впереди, простить эту дерзость она была не в силах. Она даже стала подозревать, что неодинаковые результаты на экзаменах получились потому, что отец ему специально помогал, хотя Шобхонлал никогда не приходил к Обонишу с просьбой помочь в занятиях. С тех пор она отворачивалась, едва увидев Шобхона. Во время экзаменов на степень магистра у Лабонно тоже не было шансов победить Шобхона. Но она победила. Даже сам Обониш удивился. Если б Шобхонлал был поэтом, он написал бы целые тома стихов, но вместо того он пожертвовал ради Лабонно высокими отметками на экзаменах.

Кончились годы их ученья. Вскоре после того Обонишу пришлось внезапно и очень болезненно убедиться в том, что как бы ни был ум поглощен науками, в нем всегда найдется

местечко для проникновения бога любви. Обонишу было тогда сорок семь лет. Беззащитный, слабый возраст. В этот период, сквозь ряды томов его библиотеки, преодолев стену его учености, к его сердцу прорвалась одна вдова. Для свадьбы не было никаких препятствий, кроме любви Обониша к Лабонно. Он упорно боролся со своим чувством. Он старался работать изо всех сил, но радужные мысли, отвлекавшие его от занятий, оказывались сильнее его. «Модерн-ревью»¹ прислал ему для работы заказанные им книги о буддистских развалинах, но он сидел над нераскрытыми книгами, словно полуразрушенная буддийская ступа², которую окутало вековое молчание. Издатель начинал беспокоиться, но что ж поделать? Так происходит со всяким ученым, если ступа его мудрости начинает колебаться. Что может спасти слона, вступившего в сыпучие пески пустыни?

Душу Обониша охватили запоздалые угрызения совести. Он решил, что, находясь в плену у книг, он не разглядел любви своей дочери к Шобхонлалу. Ведь невозможно не влюбиться в такого юношу, как Шобхонлал. И Обониш рассердился на всех отцов вообще, а на себя и Нонигопала в особенности. К этому времени подоспело письмо от Шобхонлала. Он сообщал, что хочет написать статью о династии Гупта³, чтобы получить стипендию «Премчанд Райчанд»⁴, и просит позволения воспользоваться некоторыми книгами из библиотеки своего учителя. Обониш сразу же написал ему очень любезное письмо: «Приходи и занимайся в моей библиотеке, как и раньше, ты меня несколько не обеспокоишь».

Сердце Шобхонлала затрепетало. Он подумал, что за столь обнадеживающим письмом скрывается молчаливое одобрение Лабонно. Он стал приходить в библиотеку. Растрахаживая по залу, он иногда ловил мимолетный взгляд Лабонно. Тогда он замедлял шаги в надежде, что Лабонно обратится к нему с вопросом о том, как у него дела, поинтересуется, над какой статьей он работает. Если бы она это

¹ «Модерн-ревью» — издаваемый в Индии ежемесячный журнал.

² Ступа — древние памятники буддийской архитектуры в Индии.

³ Гупта — династия, правившая в северной Индии в IV—V вв. н. в.

⁴ «Премчанд Райчанд» — стипендия, которая выдается лучшим студентам в Калькуттском университете.

сделала, он с радостью раскрыл бы свои тетради и обо всем рассказал ей. Ему очень хотелось узнать мнение Лабонно о многих проблемах, над которыми он сам думал. Но она ничего не говорила, а он не решался начать разговор без поощрения с ее стороны.

Так прошло несколько дней. Настало воскресенье. Шобхонлал разложил на столе свои тетради и делал пометки, листая какую-то книгу. Был полдень. Он сидел один в комнате. Обониш куда-то ушел, но куда — не сказал, а только предупредил, что не вернется к чаю.

Внезапно дверь в библиотеку с силой распахнулась. У Шобхонлала застучало сердце. В комнате появилась Лабонно. Ошеломленный Шобхон встал, не зная, что делать. Лабонно спросила, пламенея гневом:

— Зачем вы ходите в этот дом?

Шобхонлал поник и не мог ничего ответить.

— Знаете ли вы, что говорит ваш отец о ваших визитах сюда? Вам не стыдно наносить мне оскорбления?

— Простите, я сейчас уйду, — вымолвил Шобхонлал, опустив глаза. Он даже не сказал, что отец Лабонно сам пригласил его. Он собрал свои книги. Руки его дрожали, тупая боль рвалась из груди и не находила выхода. Он ушел, низко опустив голову.

Если мы можем полюбить, но из-за какой-нибудь помехи упустим момент, благоприятный для этого, то наше чувство превратится не в безразличие, а в слепую ненависть, прямую противоположность любви. Вероятно, в один прекрасный день Лабонно, сама того не зная, собиралась излить свою любовь Шобхонлалу. Но он не сделал первого шага. С тех пор все обернулось против него. Последний инцидент был самым сильным ударом.

Лабонно расстроилась и стала несправедлива к отцу. Ей казалось, что отец, желая от нее отделаться, сам пригласил Шобхонлала, чтобы соединить их. Из-за этого ее гнев обрушился на невинного Шобхонлала.

Теперь уже Лабонно убедила отца жениться. Обониш отложил для нее около половины своих денежных сбережений. После его свадьбы Лабонно объявила, что денег не возьмет, а будет зарабатывать на жизнь сама. Это очень опечалило Обониша.

— Ведь я не хотел этой свадьбы, Лабонно, это ты настояла на ней. Зачем же сейчас ты отворачиваешься от меня? — сокрушенно спросил он.

— Я решила это сделать для того, чтобы не испортить наши отношения. Не расстраивайся, отец. Благослови меня на путь, где я найду свое счастье.

Лабонно скоро нашла работу. Она взяла на себя заботы по обучению Шуромы. Она свободно могла бы учить и ее брата Джоти, но он считал для себя оскорбительным учиться у женщины и не согласился.

Жизнь однообразно протекала в повседневных заботах. Свободное время Лабонно посвящала занятиям английской литературой — от древности до эпохи Бернарда Шоу, но большую часть времени уделяла изучению истории древней Греции и Рима по произведениям английских историков Грота, Гиббона и Джильберта Мюррея. Нельзя сказать, чтобы по каким-либо поводам беспокойный ветер не поднимал волнения в ее душе, но в ее жизни не было места для тревожений, а тем более для столкновений. И вдруг произошло это совершенно неожиданное столкновение машин на дороге. Великая история Греции и Рима вдруг утратила все свое значение. Жизнь приблизилась к Лабонно, все отодвинула на задний план, встряхнула ее и сказала: «Пробудись!» Лабонно очнулась мгновенно и только теперь смогла увидеть себя по-настоящему, — не среди наук, а среди страданий.

5. Начало дискуссий

Теперь вернемся из руин прошлого на поле, где созидается настоящее. Лабонно, оставив Омито в комнате, где проходили занятия, пошла сказать о его приходе Джогомае. Омито чувствовал себя в этой комнате, точно шмель в лотосе. Куда бы он ни посмотрел, все напоминало ему о Лабонно. На книжной полке и на письменном столе он увидел английские книги. Все они принадлежали Лабонно, ее пальцы листали их страницы, эти книги занимали ее мысли днем и ночью, по их строчкам скользил ее нетерпеливый взгляд, они лежали у нее на коленях в часы размышлений. Омито очень удивился, увидев на столе сборник поэм Донна¹. Когда Омито учился в Оксфордском университете,

¹ Донн Джон (1573—1631) — английский поэт, основатель так называемой метафизической школы в английской поэзии.

его особенно интересовал Донн и современные ему поэты. И вдруг здесь случайно слились мысли двух людей об одном поэте. Жизнь Омито состояла из тусклых долгих дней, похожих на потрепанные страницы учебника, который из года в год листает школьный учитель. Он никогда не интересовался будущим и не считал нужным радостно приветствовать каждый наступающий день. Но сегодня он словно попал на другую планету. На этой планете предметы не имели веса, ноги не чувствовали под собой земли и мысли каждую минуту устремлялись в область неведомого; тело обвевал прохладный ветерок, и хотелось петь, как поэт флейта. Сиянье небес проникло в кровь и волновало ее, как весенние соки волнуют дерево, которое скоро зацветет. Поднялась пыльная завеса, так долго висевшая перед его глазами, и обычные вещи стали казаться необыкновенными. Поэтому, когда Джогомайя тихо вошла в комнату, это поразило Омито. Он подумал: «О, она не просто пришла, она появилась!»

Джогомайе было около сорока лет. Но годы не состарили ее, они только придали ей величие. Ее светлое лицо было румяно, волосы по вдовьему обычаю коротко острижены, глаза сияли материнской любовью, улыбка была ласковой. Все ее тело было обвито простым чадором, накинутым и на голову. На ее красивых чистых ногах не было обуви. Когда Омито, склоняясь в приветствии, коснулся рукой ее ног, ему показалось, что на него излилась милость богини.

Когда приветствия были окончены, Джогомайя сказала:

— Твой дядя Омореш был самым знаменитым адвокатом в нашем районе. Когда нам в результате судебного процесса грозило полное разорение, он спас нас. Он звал меня боу-диди¹.

— Я недостойный племянник его,— отвечал Омито.— Дядя избавил вас от несчастья, а я доставил вам неприятность. Вы были его найденной боу-диди, а для меня будете утерянной маши-ма².

— У тебя есть мать?— спросила Джогомайя.

— Она умерла,— ответил Омито.— Мне бы очень хотелось иметь маши.

¹ Боу-диди — жена старшего брата. Почтительное обращение к женщине.

² Маши-ма — тетья по матери.

— Зачем тебе так нужна маши, дорогой?

— Видите ли, если бы я разбил сегодня автомобиль своей матери, она без конца ругала бы меня за мою «обезьянью неловкость». А раз автомобиль принадлежит маши, она смеется над моей оплошностью и расценивает ее как ребячество.

Джогомайя улыбнулась:

— Ну хорошо, пусть это будет автомобиль маши.

Омито вскочил, взял прах от ног¹ Джогомайи и сказал:

— За это надо благодарить Карму² предыдущих рождений. У меня была мать, и я не совершал никаких подвигов благочестия, чтобы приобрести маши. Ведь столкновение с автомобилем — не благочестивый подвиг, однако тотчас же в мою жизнь вошла маши, будто посланница богов. Подумайте, сколько веков до этого надо было совершать религиозные подвиги!

— Чьей же кармы это результат? Твоей, моей или тех, кто чинит машину? — улыбаясь, спросила Джогомайя.

Омито взъерошил свои густые волосы.

— Трудный вопрос. Это не последствие кармы одного человека, а результат кармы всей вселенной. Из века в век, от планеты одного человека к планете другого ширился поток, и в пятницу, в десять часов сорок пять минут произошло столкновение. А потом?

Джогомайя вскользь посмотрела на Лабонно и усмехнулась. Даже не зная Омито как следует, она решила, что эти двое должны вступить в брак. Думая об этом, она сказала:

— Сын мой, вы пока здесь побеседуйте, а я пойду позабочусь о завтраке.

Омито умел быстро завязывать разговор. И он сразу же начал:

— Маши-ма велела нам разговаривать. Но прежде чем разговаривать, надо представиться. Давайте сразу же закончим с этим. Вы ведь знаете мое имя? То, что в английском языке называют «именем собственным»?

¹ «...взял прах от ног...» — так обычно в Индии выражают почтение старшим или уважаемым людям.

² Согласно принципу кармы, человек не властен изменить что-либо в своей жизни, ибо все, что с ним происходит, есть лишь воздаяние за его добрые или дурные поступки, совершенные в «прежнем рождении».

— Я знаю только, что вас зовут Омито-бабу¹.

— Меня так зовут не во всех случаях.

— Случаев может быть много, — улыбнулась Лабонно, — но имя должно быть одно.

— То, что вы сказали, — несовременно. Страна, время, народ меняются, но сказать, что имя не меняется, — это ненаучно. Я решил прославиться, пропагандируя теорию относительности имен. Прежде всего я хочу вам объявить, что в ваших устах мое имя не должно звучать «Омито-бабу».

— Вам нравится, когда вас называют по-английски — мистер Рой?

— Это имя слишком длинно и натянуто. Чтобы определить, насколько коротко имя, надо узнать, как быстро добегают оно от ушей до сердца.

— Каково же будет самое быstroногое имя?

— Чтобы увеличить скорость, надо сократить вес. От «Омито-бабу» надо отбросить «бабу».

— Это не так просто. Тут потребуется время, — возразила Лабонно.

— Время не для всех одинаково. В мире нет единых часов. Часы карманные идут в зависимости от того, в каком кармане они находятся. Это теория Эйнштейна².

Лабонно встала.

— Вода для вашего омовения остывает.

— Я охотнее совершу омовение холодной водой, если вы уделите беседе еще немного времени.

— Но времени больше нет, а дела не ждут. — С этими словами Лабонно вышла.

Омито не сразу пошел совершать омовение. Он сидел и припоминал каждое слово улыбающейся Лабонно. Омито видел много красивых девушек. Их красота напоминала лунную ночь, яркую, но таинственную. Красота Лабонно была похожа на утреннюю зарю — все в ней было ясно, все было озарено светом ума. Создавая ее женщиной, творец вложил в нее некоторые мужские качества. При взгляде на нее становилось ясно, что она наделена не только способностью чувствовать, но и способностью мыслить. Это и

¹ Бабу — господин. Обычно прибавляется к мужскому имени для выражения почтения.

² Эйнштейн Альберт (1879—1955) — знаменитый физик, создатель теории относительности.

привлекло Омито. Омито был умен, но не умел прощать, он был рассудителен, но нетерпелив, он многому научился, но не обрел покоя. На лице Лабонно он увидел то выражение покоя, которое не было следствием душевной вялости, а являлось отражением серьезного, уравновешенного ума.

6. Признание

Омито не выносил одиночества. Он не мог долго любоваться красотами природы. Он любил поговорить. С природой нельзя обходиться фамильярно. Если с ней обращаться не так, как должно, результат окажется весьма ощутимым. Природа подчиняется закону и хочет, чтобы другие тоже следовали закону. Одним словом, природа не наделена чувством юмора. Поэтому вне города Омито задыхался.

Но теперь, странное дело, горы Шилонга словно притягивали Омито. Сегодня он встал раньше солнца, и это было на него совершенно непохоже. Он взглянул в окно и увидел, как колеблются неясные силуэты деодаров, а за ними из-за гор поднимается солнце и пронизывает золотыми иглами своих лучей прозрачные облака. Омито безмолвно смотрел на пылающий огнем поток света, разлившийся перед ним.

Торопливо проглотив чашку чаю, он вышел из дома. Дорога была безлюдна. Под старой сосной, поросшей лишайниками, Омито сел на душистый ковер из опавшей хвои. Долго держал он в руке потухшую сигару.

Вдоль леса шла дорога к дому Джогомайи. Прежде чем сесть за еду, человек вдыхает запах пищи, который доносится из кухни. Так и Омито любовался видом дома Джогомайи на расстоянии. Он ждал, когда часы покажут время, удобное для того, чтобы пойти туда на чашку чая.

Сначала он мог приходиться к ним только по вечерам. Но его репутация знатока литературы скоро доставила ему возможность посещать дом Джогомайи. Первые дни Джогомайя проявляла интерес к беседам, но скоро обнаружила, что этим охлаждает энтузиазм другой стороны. Нетрудно было понять, что третий тут лишний. С тех пор у нее всегда находились причины для отсутствия. Эти причины были, конечно, выдуманными, так как хозяйка дома заметила, что

интерес, который проявляли к беседам Омито и Лабонно, был чем-то большим, нежели простой интерес к литературе. Омито понял, что хотя маши и немолода, но глаза ее зорки, а душа отзывчива. И его любовь к беседам возросла. Чтобы продлить свое пребывание в доме Джогомайи, он договорился с Джотишонкором, что будет помогать ему в изучении английской литературы — час утром и два вечером. Он стал помогать ему с таким чрезмерным рвением, что час утром растягивался до полудня. Но помощь он заменил пустыми разговорами. В конце концов ему пришлось уступить просьбе Джогомайи присоединиться к их завтраку. Так с течением времени круг его обязанностей расширился.

Для занятий с Джотишонкором он назначил время на восемь утра. Это было очень неудобное время для Омито. Он говорил, что сон для существа, период утробной жизни которого длится девять месяцев, нельзя приравнять ко времени сна, достаточному для животных. До сих пор его ночной сон захватывал немало утренних часов. Омито любил говорить, что украденное время — самое приятное для сна, так как оно незаконное.

Но сегодня сон Омито не был безмятежен: его тревожила забота встать пораньше. Он проснулся раньше времени, но не решился повернуться на другой бок и заснуть, опасаясь проспать. Время от времени он передвигал стрелку часов вперед, но не мог делать это слишком часто, страшась быть уличенным в краже времени. Сейчас он взглянул на часы и увидел, что еще нет и семи. Он решил, что часы испортились, и поднес их к уху — часы тикали...

Размышляя обо всем этом, Омито увидел Лабонно. Она шла по дороге, размахивая зонтиком. На ней было белое сари, на плечах треугольная шаль с черной бахромой. Омито не сомневался, что одним глазком Лабонно его заметила, но не хочет признаться в этом и взглянуть на него обоими глазами. Когда Лабонно дошла до поворота, Омито уже не мог удержаться и догнал ее.

— Вы знали, что вам не уйти от меня, и все-таки заставили меня бежать, — сказал он. — Разве вам неизвестно, какие неудобства вызывает большое расстояние?

— Какие?

— Из души несчастного, который остался позади, рвется крик. Но как он крикнет? С богами удобнее: они довольны, когда их называют по имени. Если крикнуть:

«Дурга! Дурга!», десятирукая богиня не будет недовольна. А вот с женщинами труднее.

— Вы могли и не кричать.

— Это возможно, если бы вы были близко. Поэтому я и говорю: не удаляйтесь. Я хочу вас позвать и не могу. Что может быть хуже?

— Почему же, вы ведь знакомы с английскими обычаями?

— Мисс Датт? Это хорошо за чайным столом. Посмотрите, когда земля сегодня встретилась с небом в свете зари, чтобы ознаменовать эту встречу, они стали единым целым, имя которому — вселенная. Слышите, клич летит от неба к земле, а от земли вздымается к небу. Разве в жизни человека не может случиться такой момент, когда создается имя? Вообразите, что сейчас из моей груди вырвется ваше имя, разнесется по лесу, достигнет этих ярких облаков на небе. Эти горы, обведенные каймой облаков, задумаются, услышав его. Подумайте, разве имя «мисс Датт» уместно здесь?

— Придумывание имен требует времени, — уклонилась от ответа Лабонно, — лучше я продолжу свою прогулку.

Омито, идя рядом с ней, продолжал:

— Обычно нужно много времени, чтобы научиться ходить, а со мной было иначе. Только сегодня, придя сюда, я научился сидеть. Английская пословица говорит, что катящийся камень не обрастает мохом. Размышляя об этом, я сел в темноте у края дороги. Поэтому я видел восход солнца.

— Знаете вы, как называют этих зеленых птичек? — спросила Лабонно, неожиданно меняя тему разговора.

— Я знал только понаслышке, что среди живых существ есть птицы. Придя сюда, я удивился, что на свете есть птицы и что они даже поют.

— Удивительно! — со смехом воскликнула Лабонно.

— Вы смеетесь! Даже серьезные вещи я не умею говорить серьезно. Это наваждение. При моем рождении присутствовала луна. Эта планета не исчезает, не ухмыльнувшись, даже в ту ночь, когда четырехрукий Кришна¹ все уничтожает.

— Не вините меня. Вероятно, если бы птицы слышали эти слова, то и они рассмеялись бы.

¹ Кришна — воплощение Вишну, бога-хранителя.

— Знаете, люди смеются потому, что не сразу понимают мои слова; если б поняли, то промолчали бы и задумались. Вам смешно, что сегодня я заново увидел птиц. Но это означает то, что сегодня я все вижу в новом свете, даже себя. Над этим не стоит смеяться. Вот видите, на этот раз вы молчите.

— Но ведь вы еще не старик, вы молоды, откуда же это чувство обновления? — улыбнувшись, спросила Лабонно.

— На это слишком трудно дать ответ. Он не подходит к легкому разговору, которым перекидываются за чайным столом. То ощущение нового, которое пришло ко мне, бесконечно старо. Оно старо, как сияние зари, как каждая вновь распускающаяся лилия.

Лабонно молча улыбнулась.

— Эта ваша улыбка — будто луч фонаря полицейского, охотящегося за вором. Я знаю, то, что я сейчас сказал, вы читали раньше у вашего любимого поэта. Прошу вас, не считайте меня презренным вором. Бывают моменты, когда душа превращается в Шанкарачарью¹ и утверждает, что разница между «я написал» и «он написал» только иллюзия. Так вот, когда я сидел сегодня утром, мне вдруг пришла в голову цитата из стихов поэта, и я подумал, что ее мог написать только я и никто другой.

— Вы можете привести эту цитату? — любопытно вала Лабонно.

— Да, могу.

Лабонно больше не могла удерживаться от любопытства и попросила:

— Так скажите же.

Омито продекламировал по-английски:

Ради бога, помолчи
И прислушайся к словам любви.

Сердце Лабонно вздрогнуло.

После долгого молчания Омито спросил:

— Вы, конечно, знаете, кому принадлежат эти строчки?

Лабонно слегка кивнула головой в знак согласия.

— Как-то на вашем столе я обнаружил стихи английского поэта Донна, — пояснил Омито, — иначе я не припомнил бы этих строк.

¹ Шанкарачарья (около VIII—IX вв.) — знаменитый индийский реформатор и философ.

— Обнаружили?

— Как же иначе это назвать? В книжной лавке книги блистают внешней красотой, а на вашем столе они раскрывают свое богатство. На столах публичной библиотеки они только лежат, но на вашем столе — живут. В тот день, когда я увидел у вас стихи Донна, я понял их. У дверей других поэтов — густая толпа, точно бедняки, ждущие подачек на похоронах богача. Дворец поэзии Донна пустынен, там есть место только для двоих. Поэтому я так отчетливо услышал то, о чем думал утром:

Ради бога, помолчи
И присаушайся к словам любви.

— Разве вы пишете стихи на бенгали? — удивленно спросила Лабонно.

— Боюсь, что с сегодняшнего дня начну. Прежний Омито Рай и не подозревал, каких дел натворит новый Омито Рай. Кажется, он готов тотчас же ринуться в бой.

— В бой? С кем?

— Этого я точно не знаю. Только думаю, что жизнью надо рисковать ради чего-то большого, а если потом придется раскаиваться, на это времени хватит.

— Если вы хотите жертвовать жизнью, то делайте это осторожно, — с улыбкой предостерегала Лабонно.

— Бесполезно говорить мне об этом. Я не собираюсь участвовать в общем бунте. Я избегну мусульман и англичан. Но если я увижу приверженца старых обычаев, с кротким лицом, сторонника не насилия, едущего в машине и гудящего в рожок, я стану ему поперек дороги и крикну: «К битве!» Есть такие люди, которые не идут в больницу лечиться от несварения желудка, а едут в горы, чтобы без зазрения совести нагулять аппетит на горном воздухе.

— А если этот человек не послушается и едет дальше? — засмеялась Лабонно.

— Тогда я подниму обе руки к небу и воскликну: «Я простил тебя на этот раз! Ты брат мой, мы дети одной матери — Индии». Знаете, когда у человека зрелый ум, то человек умеет и бороться и прощать.

— Когда вы сказали, что собираетесь сражаться, я испугалась, но когда вы заговорили о прощении, я успокоилась, — снова улыбаясь, промолвила Лабонно.

— Вы исполните мою просьбу? — спросил Омито.

— Скажите, какую.

— Не гуляйте сегодня больше, чтобы приобрести аппетит.

— Ну хорошо, а дальше?

— Давайте сядем под этим деревом. Здесь из-под камней, покрытых разноцветными лишайниками, с журчаньем пробивается вода.

Лабонно посмотрела на ручные часы и сказала:

— Но у нас мало времени.

— Недостаток времени — это самая трагическая проблема в жизни, Лабонно-деби¹. Когда в пустыне остается только полкувшина воды, надо следить, чтобы она не вылилась на иссушенную почву. Те, у кого много времени, слышат пунктуальными. В руках богов время безгранично, поэтому солнце во-время всходит и заходит. Наше время ограничено и тратить его на то, чтобы быть пунктуальным, — непростительная щедрость для нас. Если кто-нибудь из бес- смертных спросит меня: «Что ты делал на земле?» — я со стыдом отвечу: «Провожая глазами стрелку часов, я не имел времени увидеть, что в жизни есть еще что-то, кроме времени». Это-то и заставило меня сказать: «Идемте туда».

Омито всегда говорил в полной уверенности, что другие одобряют то, что одобрял он сам. Поэтому возражать ему было трудно. И Лабонно согласилась: «Идемте».

Густой лес тенист. Узкая тропинка спускается вниз, к деревне кхаси². Тоненькая струйка маленького водопада сделала на полдороге петлю и, не обращая внимания на эту тропинку, проложила себе через нее путь, оставляя мелкие камешки в знак своего господства. Здесь Лабонно и Омито сели на камень. В этом месте среди зелени притаилась вода, точно девушка, сидящая в тени зеленого занавеса женской половины дома и боящаяся выйти наружу. Покрывало уединенности, нависшее над этим местом, заставило Лабонно почувствовать себя смущенно. Ей казалось, что с нее самой сняли покрывало. Она хотела скрыть свое смущение какими-нибудь незначительными фразами, но не могла ничего сказать — так во сне человек хочет закричать и не может.

¹ Деби — форма почтительного обращения к женщине.

² Кхаси — народность Индии, населяющая центральную часть Ассамского нагорья.

Омито понял, что надо нарушить молчание.

— Вы знаете,— произнес он,— в нашей стране существуют два языка — литературный и разговорный. Но, кроме них, необходим еще третий язык — не повседневный, не деловой, а интимный, для таких уголков, как этот. Этот язык должен быть, как песня птицы, как стихи поэта. Он должен быть произвольным, как плач ребенка. Какой стыд, что нам приходится заимствовать этот язык из книг! Представьте, что было бы, если бы всякий раз, когда захочется смеяться, нам пришлось бы бежать к зубному врачу! Скажите правду, Лабонно-деби, вам хотелось бы, чтобы сейчас ваша речь звучала как музыка?

Лабонно опустила голову и молчала.

Омито продолжал свою речь:

— В беседе за чашкой чая следует отличать уместное от неуместного. Здесь не место для этого. Скажите, что же делать? Надо излить душу в стихах. Проза требует много времени, а у нас мало времени. Если вы позволите, я начну.

Лабонно пришлось согласиться, чтобы скрыть свое смущение.

Прежде чем начать, Омито спросил:

— Вероятно, вы любите поэзию Рабиндраната Тагора?

— Да, люблю.

— А я нет. Поэтому извините меня. У меня есть свой поэт. Его стихи так хороши, что его мало кто читает. Его даже мало кто удостаивает ругани. Я хочу почитать его стихи.

— Отчего вы так тревожитесь?

— В этом деле у меня печальный опыт. Прицая лучшего из поэтов, мы развенчиваем его. Даже если мы будем молча игнорировать его, то и тогда проклятья падут на нашу голову. То, что нравится мне, не нравится другому. Сколько кровавых битв бывает из-за этого на земле!

— С моей стороны не бойтесь кровавых битв. Я никому не навязываю своего вкуса.

— Хорошо сказано. Ну, так я начну без страха:

О тайна! Откажусь ли от тебя,
Пока твое лицо я не увидел?..

Вы уловили суть? Оковы таинственности. Самые ужасные оковы. Я узник в неведомом мире; когда я познаю

его, я получу освобождение. Это и называют учением мукти¹.

...В какой-то миг,
Очнувшись ото сна,
Когда сменилась
Рассветом, наконец, ночная мгла,
Увидел я лицо твое — и, глядя
В лицо тебе, спросил: «Где ты была?
Где в глубине души моей таилась?»

Нет более темной пещеры, чем та, где человек теряет себя. Все богатства, которые мы не заметили в жизни, собрались в тайниках души. Из-за этого не следует опускать рук.

Мне будет нелегко
Узнать тебя,
И вкрадчивые речи не помогут...
Твой трепет, недоверие, тревогу,
Твой ужас пересилю я любя,
И сильною рукой к дневному свету —
Жестокому — я выведу тебя!

Какая настойчивость! Какая сила! Вы ощущаете энергию стиха?

...Ты, вся в слезах, проснешься... но ни слова!
Мгновенно будь познать себя готова...
Освободив тебя, разбив оковы,
Освобожу я самого себя!

Таких стихов вы не найдете ни у кого из ваших знаменитых поэтов. Эти стихи — точно взрыв на солнце. Это не просто лирика, это сама суровая жизнь.

Глядя прямо в лицо Лабонно, он произнес:

...О тайна!..
И постепенно день ушел во тьму.
Спустилась ночь, а время все течет,
Оно не может ждать... Разбей оковы,
Немедленно разбей свою тюрьму!
Пусть пламя мудрости горит пожаром
В твоей душе,— иду под власть к нему!

Декламируя эти стихи, Омито взял руку Лабонно. Лабонно не отняла ее. Она молча смотрела на Омито.

Теперь уже никакие слова не были нужны. Лабонно забыла о времени.

¹ Учение мукти — в индийской философии учение об освобождении души от перерождений.

7. Сватовство

Омито пришел к Джогомаёе и объявил:

— Маши-ма, я пришел свататься. Не отказывайте мне из скупости.

— Если мне понравится жених. Прежде всего назови имя жениха и скажи, кто он таков.

— Достоинства жениха не заключаются в его имени,— возразил Омито.

— Что ж, в таком случае сват должен уменьшить свои притязания.

— Это несправедливо. Мир людей с громким именем широк вне дома и узок дома. Их усилия направлены на достижение славы, а не домашнего уюта. Эти люди отдают жене лишь малую частицу себя, недостаточную для семьи. Брак знаменитых людей — это не брак, он так же достоин порицания, как и многоженство.

— Хорошо, оставим имя. Каков он из себя?

— Мне не хочется говорить об этом: я боюсь преувеличить.

— Насколько мне известно, преувеличенные похвалы расточают на базаре.

— При выборе жениха надо иметь в виду две вещи: чтобы имени жениха не было тесно в доме и чтобы красота его не затмевала красоту невесты.

— Ладно, не будем говорить о его имени и внешности. Поговорим об остальном.

— Остальное можно отнести к положительным качествам жениха. Жених не лишен достоинств.

— Он умен?

— Настолько, чтобы перехитрить людей и заставить их поверить в его ум.

— Образован?

— Как сам Ньютон. Он знает, что на берегу океана знаний он собирает всего лишь камешки. Но он не осмеливается сказать об этом, как это сделал Ньютон, из боязни, что люди не поверят ему.

— Я вижу, перечень достоинств жениха очень короток.

— Для того чтобы узнать щедрость Оннопурны¹, сам Шива готов стать нищим и несколько не стыдится этого.

¹ Оннопурна — один из эпитетов жены бога Шивы. Буквально — «кормящая весь мир».

— В таком случае опиши жениха поподробнее.

— Он из знакомой вам семьи. Имя жениха — Омито Кумар Рай. Что вы смеетесь, маши-ма? Вы думаете, что это шутка?

— Да, дорогой, я опасуюсь, что в конце концов это окажется шуткой.

— Такое подозрение порочит жениха.

— Облегчать душу смехом — немалое достижение.

— Маши, боги обладают этой способностью, поэтому они не годятся для женитьбы. Дамаянти это поняла.

— Тебе, правда, нравится моя Лабонно?

— Испытайте меня как хотите.

— Испытание может быть только одно. Ты хорошо знаешь, что Лабонно в твоих руках.

— Поясните ваши слова.

— Я считаю настоящим ювелиром того, кто знает истинную цену жемчужины, даже если она досталась ему дешево.

— Маши-ма, вы слишком усложняете вопрос. Это все равно, что заострять психологические проблемы в маленьком рассказе. На деле все обстоит гораздо проще: один прекрасный человек обезумел от желания жениться на одной прекрасной девушке. Молодой человек удовлетворителен, о девушке и говорить нечего. В подобных случаях другие маши радуются и веселятся.

— И я радуюсь, дорогой, не беспокойся. Вообрази, что ты уже получил Лабонно. Если и после этого ты будешь так же сильно желать ее, тогда я поверю, что ты достоин жениться на такой девушке, как Лабонно.

— Вы удивляете даже такого современного человека, как я.

— Чем же это?

— В двадцатом веке маши боятся выдавать девушек замуж.

— Это происходит потому, что в прошлом веке те, кого выдавали замуж маши, были просто игрушками. А сейчас те, кто выходит замуж, не желают быть игрушкой для маши.

— Не беспокойтесь. Люди никогда не довольствуются достигнутым, наоборот — они хотят иметь еще больше. Омито Рай родился на земле, чтобы доказать это. Иначе зачем бы надо было неодоушевленному существу — моему автомо-

билю — выбрать для совершения такого невероятного поступка столь неподходящее место и время?

— Дорогой мой, твои речи не подходят человеку, собирающемуся жениться. Как бы в конце концов это не оказалось детской затеей.

— Маши-ма, мне присуща специфическая серьезность, благодаря ей мои серьезные мысли облачаются в легкомысленные слова, но от этого они не менее серьезны.

Джогомайя ушла посмотреть за приготовлениями к завтраку. Омито стал бродить из комнаты в комнату, но не увидел того, кого хотел. Он встретил лишь Джотишонкора. Омито вспомнил, что сегодня должен был читать с ним драму Шекспира «Антоний и Клеопатра». Увидев выражение лица Омито, Джотишонкор понял, что его неотложный долг — пожалеть это создание и попросить на сегодня отпущ.

— Омито-да¹, — обратился он, — если ты ничего не имеешь против, мне хотелось бы сегодня отдохнуть и побродить по горам Шилонга.

Омито очень обрадовался:

— Те, кто занимается без отдыха, не могут усвоить выученное. Почему ты так боялся, что я буду против отдыха, раз он тебе нужен?

— Но завтра ведь воскресенье. Ты мог подумать...

— Я не рассуждаю, как школьные учителя. Я не считаю отдыхом отдых в установленные дни. Наслаждаться отдыхом в назначенный день — все равно что охотиться за привязанным животным. Пропадает всякое удовольствие.

Джоти развеселился, догадавшись об истинной причине горячности, с которой Омито развивал свою теорию о днях отдыха, и нашел это очень забавным.

— С некоторых пор ты выдвигаешь все новые и новые теории насчет дней отдыха. Недавно ты мне тоже давал наставление по этому поводу. Еще несколько дней — и я стану специалистом в этом деле.

— Какое же наставление я тебе дал?

— Ты сказал: «Стремление к недозволенному — великая добродетель. Когда появляется такое стремление, не следует медлить». С этими словами ты закрыл книгу и тот-

¹ Да — сокращенное от «дада», почтительной формы обращения к старшему брату или к друзьям.

час вышел. Я не заметил, но, видимо, за дверью появилось нечто недозволенное.

Джоти еще не было двадцати. Волнение, пробудившееся в душе Омито, затронуло и его. До сих пор он видел в Лабонно только учительницу, но теперь благодаря Омито обнаружил, что она женщина.

— Есть совет, который ценится, как золотая монета с изображением Акбара¹. Вот он: «Надо быть готовым к выполнению важного дела». Но на обратной стороне надо выравировать: «Перед искушением надо героически устоять», — весело парировал Омито.

— Сегодня я убедился в твоём героизме.

Омито похлопал Джоти по спине.

— Когда в календаре твоей жизни настанет чистый аштами², пожертвуй всеми неотложными делами и, не медля, почти богиню. После этого наступит победный дашами³.

Джоти ушел.

Хотя склонность к недозволенному и была, но та, в образе которой является искушение, не показалась. Омито вышел в сад.

Кусты вьющейся розы были усыпаны цветами. С одной стороны дома росли подсолнечники, с другой, в квадратных вазонах, цвели хризантемы, напоминающие луну. На верхнем конце отлогой лужайки возвышалось могучее эвкалиптовое дерево. Под этим деревом, прислонившись к его стволу и вытянув ноги, сидела Лабонно. На ней было одето сари пепельного цвета. Лучи утреннего солнца падали на ее ноги. На коленях у нее был расстелен платок, на нем лежали кусок хлеба и расколотые грецкие орехи. Сегодняшнее утро она хотела посвятить кормлению животных, но позабыла об этом. Омито подошел и остановился перед ней. Лабонно подняла голову, молча посмотрела на него. Слабая тень улыбки прошла по ее лицу.

Омито сел перед ней и сказал:

— У меня хорошие вести. Я получил согласие маши-ма.

¹ Акбар (1542—1605) — император из династии Великих Моголов.

² Аштами — второй день празднеств, посвященных богине Дурге; в этот день совершается жертвоприношение богине.

³ Дашами — четвертый день празднеств, день возрождения богини.

Лабонно не ответила. Она бросила расколотый орех к персиковому дереву, на котором не было плодов. Тотчас по его стволу вниз скользнула белочка, одна из подопечных Лабонно.

— Если ты не против, я придумаю тебе уменьшительное имя,— снова заговорил Омито.

— Придумай.

— Я буду звать тебя Бонно¹.

— Бонно?

— Нет, нет, это имя оскорбительно для тебя. Такое имя только мне годится. Я буду звать тебя Бонне². Что ты скажешь?

— Что ж, зови, только не при маши.

— Конечно, нет. Это имя только для посвященных, а не для разглашения. Это только для моих и твоих ушей.

— Очень хорошо.

— Мне тоже нужно неофициальное имя. Как тебе покажется Брахмапутра?³ Внезапно появляется Бонне и переполняет ее берега.

— Это имя слишком длинно.

— Ты права. Придется звать кули, чтобы произнести его. Тогда придумаю мне имя ты. Пусть оно будет создано тобой.

— Хорошо, я тоже сделаю от твоего имени уменьшительное. Я буду звать тебя Мита⁴.

— Превосходно. В стихах ему сопутствует слово «товарищ». Я думаю, Бонне, почему бы тебе не звать меня этим именем при всех? Что за беда в этом?

— Боюсь, звучащее дорого для одного уха, другим покажется дешевым.

— Эти слова не лишены истины. То, что двоим представляется целым, другим кажется осколками. Бонне!

— Что, Мита?

— Если я напишу поэму, знаешь, какую рифму я поставлю к твоему имени? — Несравненная.

— Что это значит?

— А то, что ты такая, какая есть, и больше никакая.

¹ Бонно — лесная, дикая.

² Бонне — поток.

³ Брахмапутра — третья по величине река Индии, приток Ганга.

⁴ Мита — друг.

— В этом нет ничего удивительного.

— Что ты, это очень удивительно. Волею судьбы я встречаю человека и до того удивлен, что не могу удержаться от крика: «Этот человек ни на кого не похож!».

О моя Божне, ты несравненна,
Ты своеобразием богата.

— Ты собираешься писать стихи?

— Конечно! Кто может этому помешать?

— Откуда такая отчаянная решимость?

— Объясню. Сегодня ночью я не мог уснуть до половины третьего, переворачивался с боку на бок и листал страницы «Оксфордской книги стихов». Как ни искал, я не нашел стихов о любви, а раньше они встречались на каждом шагу. И я понял, что мир ждет их сейчас от меня.

Он взял руку Лабонно в свою и продолжал:

— Мои руки заняты, как же я возьму карандаш? Лучшая рифма — прикосновение двух рук. Твои пальцы так просто беседуют с моими, — ни один поэт не может так писать.

— Тебе ничто простое не нравится. Поэтому я боюсь тебя, Мита.

— Но подумай о том, что я говорю. Рама¹ хотел испытать чистоту Ситы огнем костра и поэтому потерял ее. Чистота поэзии испытывается огнем сердца. Но чем будет испытывать тот, у кого в сердце нет огня? Ему придется довериться чужим словам, а они часто будут неверны. Сейчас в моем сердце горит огонь. При свете этого огня я перечитываю все, что читал раньше. Как же мало из этого остается! Все с завыванием превращается в пепел. Сегодня в кругу поэтов мне пришлось крикнуть: «Не шумите! Произнесите тихо единственно правильные слова:

Ради бога, помолчи
И прислушайся к словам любви».

Долго они сидели молча. Потом Омито взял руку Лабонно и провел ею по своему лицу.

¹ Рама — герой древнеиндийской поэмы «Рамаяна»; освободив жену Ситу из плена, испытал ее верность огнем костра. Когда испытание, из которого Сита вышла невредимой, окончилось, разверзлась земля и приняла Ситу в свое лоно.

— Подумай, Бонне,— заговорил он,— в это утро, в это самое мгновение как много людей жаждут и как мало из них получают. Я один из этих немногих. На всей земле только ты одна видела этого счастливицу в горах Шилонга под этим эвкалиптом. Самые удивительные вещи на земле застенчивы, они не хотят попадаться на глаза. А когда, начиная от Гольдигги в Калькутте и до Ноакхали в Читтагонге, кто-нибудь с криком грозит кулаком в пространство и открывает огонь холостыми патронами по политикам, эта заурядная весть считается самой интересной. Кто знает, может быть это и хорошо.

— Что хорошо?

— Хорошо то, что прекрасное бродит по дорогам жизни и не гибнет от взоров толпы. Твердое убеждение в этом живет в глубинах вселенной.

Лабонно сидела, опустив голову, и ничего не отвечала.

— Ты молчишь, как будто не обратила внимания на мои слова и пропустила их мимо ушей,— сказал Омито.

Лабонно проговорила, не подымая глаз:

— Когда я слушаю твои речи, мне делается страшно.

— Чего же ты боишься?

— Я не в состоянии понять, что ты от меня хочешь и что я могу дать тебе.

— Твой дар ценен тем, что ты даешь, не размышляя.

— Когда ты сказал, что кортта-ма¹ дала согласие, меня охватил страх. Мне показалось, что я попала в плен.

— Ты так думаешь?

— Мита, ты гораздо выше меня по вкусу и уму. Если я пойду одной дорогой с тобой, настанет время, когда я отстану от тебя и ты не обернешься и не позовешь меня. Я не буду тогда винить тебя. Нет, не говори ничего, прежде выслушай меня. Я умоляю тебя, откажись от женитьбы. Если развязывать узел после свадьбы, он только ту же затянется. Мне достаточно того, что я получила от тебя. Я пронесу это через всю жизнь. Только не обманывай себя.

— Бонне, зачем ты вносишь в щедрость сегодняшнего дня скарденность завтрашнего?

— Мита, это ты дал мне силы говорить правду. Ты и сам в глубине души согласен с тем, что я говорю тебе. Ты не хочешь признаться в этом, боишься, что даже ма-

Кортта-ма — буквально: мать-хозяйка.

ленькое сомнение отравит радость. Ты не из тех, кто может удовлетвориться семьей, ты ищешь, чем удовлетворить жажду твоей души. Поэтому ты бросаешься от литературы одной страны к другой, по этой же причине ты пришел и ко мне. Сказать тебе правду? В душе ты убежден, что брак, как ты это называешь, «вульгарен». По твоему мнению, брак заботливо охраняется лишь теми, кто произносит священные заклинания, кто развалился на мягких подушках и причисляет жену к имуществу.

— Бонне, ты умеешь говорить самые жестокие вещи удивительно нежным голосом.

— Мита, я так люблю тебя, что скорее я буду жестока, чем дам тебе ошибиться. Оставайся таким, каков ты есть, и люби меня так, как можешь, но не бери на себя никаких обязательств — и я буду счастлива.

— А теперь дай мне сказать, Бонне. Как удивительно ты описала мой характер! Я не буду возражать тебе. Но в одном ты ошиблась. Даже характер человека меняется. В домашней жизни он скован цепями и неподвижен. Но когда в один прекрасный день под ударом судьбы его цепи разбиваются и он устремляется в лес — это новое состояние характера.

— В каком же состоянии находится твой характер сейчас?

— Он все время не согласен со мной. Раньше мне приходилось беседовать со многими девушками на скованных берегах каналов общественной жизни при свете полузатемненной лампы изысканного вкуса. Там узнают друг друга, но не познают. Скажи, Бонне, разве наше знакомство такое же?

Лабонно не отвечала. Омито продолжал:

— Две далекие звездочки совершают свой круг, приветствуя друг друга. Закон мягок и снисходителен. По этому закону между двумя звездочками существует взаимное тяготение в силу простой склонности, но не в силу сердечного влечения. И если вдруг на них обрушится удар смерти и свет обеих звездочек померкнет, то они сольются вместе — и вспыхнет один огонь. Такой огонь вспыхнул и заменил собой Омито Рая. Так происходит не только со звездочками, но и с людьми. Кажется, что их жизнь — непрерывный поток, а на деле — это цепь случайностей. Процесс созидания движется такими же внезапными толчками, порывами в быстром ритме одна эпоха сменяет

другую. Ты нарушила ритм моей жизни, Бонне, и в новом ритме твой голос и мой слились вместе.

Глаза Лабонно были влажны от слез. Но она не могла отделаться от мысли, что у Омито литературный склад ума, что каждое впечатление вызывает в нем волну слов. Этот дар дала ему жизнь, и в нем она находит радость. Поэтому и Лабонно нужна ему. «Слова застыли льдом в его душе, они отягощают его, но у него нет голоса, чтобы излить их. Он растопит их моим теплом», — думала Лабонно.

Они долго сидели молча. Вдруг Лабонно задала вопрос:

— Ты не думаешь, что шах Джахан радовался смерти Момтаз в тот день, когда был закончен Тадж-Махал? Ее смерть была нужна для увековечения его мечты. Эта смерть — дар великой любви Момтаз. В Тадж-Махале отражено не горе, а радость шаха Джахана.

— Ты все время удивляешь меня. Ты истинная поэтесса.

— Не имею никакого желания быть поэтессой.

— Почему?

— Я не хочу огнем жизни зажигать светильник слов. Слова хороши для тех, кто получил приказ украсить зал празднеств на земле. Огонь моей жизни — для жизненных дел.

— Ты не согласишься со мной? Разве ты не знаешь, что твои слова вдохновляют меня? Тебе и не догадаться, какая сила заключается в твоих словах. Я вижу, надо опять призвать Нибарона Чокроборти. Тебя сердит частое повторение его имени. Но что ж я поделаю? Ведь этот человек — хранитель моих сокровенных мыслей. Нибарон еще не нашел сам себе. Каждый раз, как он напишет поэму, ему кажется, что это его первая поэма. На днях, роюсь в его записных книжках, я нашел новые стихи. Это стихи о водопаде. Как он узнал, что в горах Шилонга я нашел водопад? Он написал:

О водопад! Прозрачен поток
Твоей хрустальной воды.
В ней видят себя
И солнце и звезды.

Если бы я сам это написал, то не мог бы вернее описать тебя. Твоя душа так прозрачна, что в ней отражается свет небес. Я вижу, как все в тебе отражает этот свет: твое

лицо, твоя улыбка, твои слова, твоя манера спокойно сидеть, твоя походка.

...Дозволь моей тени
Играть на хрустальном свету твоих слов и движений,
И музыку смеха
Смешай с этой тенью,
Дай тени свой голос,
О, вечности голос дай тени!

Ты водопад. Ты не просто движешься в потоке жизни, к своему движению ты присоединяешь журчанье. Даже большие неподвижные камни, по которым ты прыгаешь, при твоём прикосновении сливают свой голос с твоим.

...Слились воедино
Твой смех и моя одинокая тень,
Водопад!
Поэтическим, светлым безумством охвачена
Душа в этот праздничный день...
Всякий раз — только вспыхнет твой свет —
Водопад,—
Обретает она свой язык...
Я поэтом себя осознал в этот день,—
Прикоснувшись, ты душу мою пробудил,
Водопад! —
Я возник!

Лабонно слабо улыбнулась:

— При всем моем свете и при всей моей музыке твоя тень — всего лишь тень, и я не смогу удержать ее.

— Но когда-нибудь ты увидишь, что если я исчезну, то останутся мои слова.

— Где? — засмеялась Лабонно. — В тетрадах Нибарона Чокроборти?

— А что тут удивительного? Поток, который течет на дне моей души, берет начало из фонтана Нибарона.

— Значит, когда-нибудь я обнаружу твои мысли только в фонтане Нибарона и больше нигде.

В это время пришел слуга и доложил, что завтрак готов.

Омито размышляла дорогой: «Лабонно хочет все понять, освещая светом своей мысли. Она не желает обманывать себя даже там, где человеку свойственно обманывать себя. Я не могу опровергнуть то, что она говорила. Одни выражают себя в жизни, другие — в своих сочинениях, то касаясь жизни, то отходя от нее, как река, которая то набегает волнами на берег, то откатывается. А я? Пронесусь

в потоке моих творений в стороне от жизни? Но здесь ли разница между мужчиной и женщиной? Мужчина созидает новое, отдавая всю свою силу, это новое обманывает себя на каждом шагу, чтобы развиваться. Женщины берегут свою силу, они препятствуют появлению нового ради сохранения старого. Отчего это происходит? Когда-нибудь они столкнутся. Где много точек соприкосновения, там велика вражда. Потому, наверно, наше наивысшее достижение — не соединение, а освобождение». Эти мысли причиняли страдание Омито, но он не мог не согласиться с ними.

8. Доводы Лабонно

— Лабонно, милая, ты не ошиблась? — спросила Джогомайя.

— Не ошиблась, ма.

— Омито очень своенравен, я знаю. За это я так и люблю его. Посмотри, ведь он сам не свой. У него все из рук валится.

— Если бы ему пришлось сдерживать себя, если бы у него ничего не валилось из рук, тогда это было бы плохо,— улыбнувшись, ответила Лабонно.— Уж он таков — либо не может легко получить достижимое, либо теряет полученное. Не в его характере беречь достигнутое.

— Сказать по правде, детка, мне очень нравится его ребячество.

— Такovy все матери. Время ребячества выпадает на долю матерей, а на долю детей — забавы. Почему ты велишь мне возложить ношу на того, кто не может нести ее?

— Разве ты не замечаешь, Лабонно, что он, такой порывистый прежде, теперь утих? Меня его вид растрогал. Что ни говори, а он тебя любит.

— Да, любит.

— Тогда о чем же ты печалишься?

— Кортта-ма, я не хочу совершать насилия над ним.

— Я знаю, Лабонно, что любовь стремится к насилию и устанавливает его.

— Кортта-ма, это насилие имеет пределы. Нельзя терпеть тирании над душой. Сколько я ни читала книг о любви, мне всегда казалось, что трагедия любви происхо-

дит там, где один хочет переделать другого в соответствии со своими желаниями.

— Дорогая моя, в семье не бывает так, чтобы супруги не оказывали влияния друг на друга. Там, где есть любовь, это происходит легко, а там, где нет любви, применение насилия вызывает то, что ты называешь трагедией.

— Не говори мне, что мужчина создан для семьи. Мужчина, который поддается воздействию повседневной жизни,—мягок, как глина. Настоящий мужчина тот, кто не поддается посторонним воздействиям. Если женщина не понимает этого, то чем больше она требует, тем меньше получает. Если мужчина не понимает этого, то чем он больше прилагает усилий, тем больше теряет истинных друзей. Я убеждена, что во многих случаях то, что мы считаем приобретением, оказывается лишь приобретением оков.

— Что ты хочешь сказать, Лабонно?

— Я не хочу выйти замуж и причинить несчастье. Семейная жизнь не для всех. Знаешь, кортта-ма, если у человека плохой характер, он изводит окружающих постепенно, шаг за шагом. А попав в сети семейной жизни, муж и жена становятся очень близкими друг к другу, между ними не остается никакого расстояния. И им приходится жить, находясь на очень близком расстоянии. У них нет возможности укрыть друг от друга ни одной частицы себя.

— Лабонно, ты сама себя не знаешь. В тебе нет ничего, что надо было исправлять.

— Но он не знает, какая я. Мне кажется, он не видит во мне простую, обыкновенную девушку. Стоит мне задеть его мысли, и он раздражается неудержимым потоком слов. Он придумал меня. Когда его мысль устанет и слова иссякнут, в наступившей тишине он обнаружит, что я обыкновенная девушка, совсем не такая, как он воображал. Женившись, придется принимать человека таким, каков он есть, тогда уже нельзя будет переделать его заново.

— Ты думаешь, что Омито не захочет принять такую девушку, как ты?

— Если переменится, тогда захочет. Но зачем ему меняться? Я совсем не хочу этого.

— Чего же ты хочешь?

— Я хочу как можно дольше остаться для него сном, смешанным с его словами, с игрой его фантазии. Но зачем я называю сном то, что дало мне увидеть себя в этом рождении на этой земле? Пусть этот образ появился из

кокона яркой бабочкой, жизнь которой измеряется двумя-тремя днями. Что за беда? На земле бабочка не хуже других живых существ. Что ж из того, что она родится с восходом солнца и умирает на закате? Это только означает, что если времени мало, то его нельзя тратить напрасно.

— Я как будто поняла: ты хочешь быть некоторое время мечтой для Омито. А ты сама? Ты что же, не хочешь выходить замуж? Разве Омито для тебя тоже мечта?

Лабонно сидела молча, не говоря ни слова.

— Когда ты приведишь свои доводы,— продолжала Джогомайя,— я вижу, что ты очень начитанная девушка, что я не умею так думать и рассуждать, как ты. Может быть, даже в нужный момент я не смогу быть такой твердой, как ты. Но я разглядела тебя сквозь твои рассуждения, дорогая. Как-то около двенадцати ночи я заметила свет в твоей комнате. Я вошла к тебе и увидела, что ты плачешь, склонившись к столу, закрыв лицо руками. Это была не философствующая девушка. Сперва я хотела подойти и успокоить тебя, но потом подумала, что для всякой девушки настает время, когда ей необходимо выплакаться, и тогда не надо ей мешать. Я прекрасно знаю, что ты не хочешь рассуждать, а хочешь любить. Как же ты будешь жить, если тебе некого будет почитать? Поэтому я и говорю, что ты должна выйти за него замуж. Не связывай себя обещанием не выходить замуж. Я боюсь, если ты заупрямишься, тебя нелегко будет переубедить.

Лабонно не отвечала. Она опустила голову и неизвестно зачем собирала в складки конец сари, лежавший на коленях.

— Когда я смотрю на тебя,— заговорила снова Джогомайя,— мне часто кажется, что от книг и размышлений ум ваш стал очень изощренным. Мне кажется, что наша семья не соответствует идеалу, который вы себе создали. Теперь вы не хотите отказаться от лучей разума, которые в наше время были скрыты. Они пронизывали телесные оболочки так, словно их и не было. В наше время для наших простых чувств хватало радостей и печалей в семье, их было немало. А сейчас вы так преувеличиваете их, что все кажется сложным.

Лабонно чуть улыбнулась. Совсем недавно Омито говорил Джогомайе о невидимых лучах — вот откуда эти рассуждения. Это тоже свидетельствовало об ее утонченности. Мать Джогомайи не смогла бы понять эту мысль.

— Кортта-ма,— заметила Лабонно,— чем лучше разум человека сможет понять смену времен, тем с большей силой он будет противостоять ударам времени. Страх тьмы, несчастье тьмы непереносимы, потому что тьма — это неизвестность.

— Мне сейчас кажется,— сказала Джогомайя,— что было бы лучше, если бы вы с ним никогда не встречались.

— Нет, нет, не говори этого. Я даже представить не могу, что все могло случиться иначе. Одно время я думала, что вся моя жизнь пройдет в чтении книг и сдаче экзаменов. А теперь я вдруг увидела, что я умею любить. В моей жизни невозможное стало возможным — и мне этого достаточно. Мне кажется, до этого я была тенью, а теперь стала живым существом. Чего же еще желать? Не проси меня выходить замуж, кортта-ма! — С этими словами Лабонно соскользнула со стула на пол и зарыдала, спрятав лицо в коленях Джогомайи.

9. Перемена жилища

Сначала все были уверены, что Омито через полмесяца вернется в Калькутту. Норен Миттер даже поспорил, что Омито не пробудет там и недели. Но прошел месяц, прошло два, а о возвращении — ни слова. У Омито кончился срок аренды дома в Шилонге. Из Ранпура приехал заминдар¹ и занял этот дом. После долгих поисков было найдено жилище недалеко от дома Джогомайи. Одно время там жил не то пастух, не то садовник. Затем дом попал в руки какого-то клерка, который придал ему вид небогатый, но приличный. Этот клерк умер, и теперь его вдова сдавала дом внаймы. Дом был так скупо снабжен окнами и дверьми, что в нем ощущался недостаток тепла, света и воздуха, а в дождливые дни туда через бесчисленные щели в изоляции проникала вода.

Джогомайя была поражена, увидев, в каком состоянии находится комната Омито.

— Что за испытание ты наложил на себя, сын мой? — воскликнула она.

¹ Заминдар — помещик.

— Ума¹ совершала подвижничество, испытывая себя голодом. Под конец она перестала есть даже листья. Я совершаю подвижничество, лишая себя обстановки. Постепенно освобождаясь от постели, дивана, стола, стульев, я останусь среди пустых стен. Подвижничество Умы проходило в горах Гималаев, а мое — в горах Шилонга. Там невеста жаждала встречи с женихом, а здесь жених жаждет встречи с невестой. Там сватом был Нарада², а здесь — сама маши-ма. Если в конце концов не явится Калидаса, то мне, насколько это в моих силах, придется сделать его дело.

Омито говорил весело, но Джогомайя опечалилась. Она чуть было не предложила ему перебраться в ее дом, но удержалась. «Если творец затеял что-нибудь, нам не следует мешаться, а то забьется такой узел, что и не развязать», — подумала Джогомайя. Из своего дома она послала для Омито несколько вещей и удвоила свои заботы об этом несчастном. Она не раз говорила Лабонно: «Лабонно, милая, не превращай своего сердца в камень».

Однажды после сильного ливня Джогомайя пришла проведать Омито и застала его сидящим на шерстяном одеяле под шатким столом и погруженным в чтение английской книги. Когда Омито увидел, что в его комнате повсюду каплет вода, он устроил себе убежище под столом и уселся там, вытянув ноги. Он посмеялся над собой и принялся читать стихи. Его душа рвалась к дому Джогсмайи, но тело препятствовало этому. Причина была та, что Омито купил очень дорогой плащ в Калькутте, где в нем не было надобности, и не привез его сюда, где он постоянно был нужен. Он привез с собой зонтик, но, очевидно, или забыл его там, куда сейчас так стремилась его душа, или оставил его под старым деодаром.

— Что случилось, Омито? — воскликнула Джогомайя, входя в комнату.

— Сегодня мою комнату лихорадит, ее положение не лучше моего.

— Лихорадит?

— Иными словами, крыша моего дома очень похожа на Индию. В крыше имеются большие прорехи. Когда над ней пронесется стихийное бедствие, она разражается не-

¹ Ума — жена бога Шивы.

² Нарада — божественный мудрец.

удержимым потоком слез, а когда налетает порыв ветра, она оглашается вздохами. В знак протеста я возвел над головой навес — это образец мирного домашнего самоуправления среди бесхозяйственного правления. Здесь выражены основные принципы политики.

— Каковы же они?

— Они заключаются в том, что жильцы гораздо лучше приведут в порядок дом, чем обладающий полнотой власти домохозяин, который не живет в доме.

Джогомайя очень рассердилась на Лабонно. Чем больше Джогомайя привязывалась к Омито, тем больше она в душе превозносила его. У него такие знания, такой ум, такие манеры. И такая чистая душа! Как хорошо он умеет говорить! А что касается его наружности, то он гораздо красивее Лабонно. Лабонно родилась под счастливой звездой, и Омито взглянул на нее зачарованными глазами. И этому юноше, этой золотой луне Лабонно причиняет такие мучения. Ни с того ни с сего объявляет, что не выйдет за него замуж, будто она какая-нибудь принцесса и ради нее надо состязаться в стрельбе из лука! Зачем юноша терпит такое высокомерие? Несносная умрет в слезах.

Сначала Джогомайя хотела отвезти Омито в экипаже к себе домой, но потом решила иначе.

— Посиди немного, дорогой. Я скоро вернусь, — сказала она.

Приехав домой, она увидела, что Лабонно сидит на диване, накрыв ноги шалью, и читает «Мать» Горького. При виде того, как удобно она устроилась, Джогомайя разгневалась еще больше.

— Пойдем прогуляемся, — предложила она.

Но Лабонно ответила:

— Мне не хочется сейчас гулять, кортта-ма.

Джогомайя не понимала, что Лабонно взялась за книгу, стараясь спрятаться от самой себя. После завтрака она все время с беспокойством ждала прихода Омито. Ей то и дело слышались его шаги. Снаружи под резкими порывами ветра сотрясались сосны, и потоки, рожденные неукротимым дождем, так торопились, словно впопыхах старались обогнать короткий срок своей жизни. Лабонно страстно захотелось, чтобы рухнули все преграды, улетели всякие колебания, ей захотелось взять обе руки Омито и сказать ему: «Я твоя в жизни и смерти». Сегодня было бы легко

сказать это. Сегодня само небо кричало в отчаянии. Этим криком огласились леса, и вершины гор, окутанные пеленой дождя, стояли, прислушиваясь к этому крику. Пусть придет он и с таким же вниманием, в таком же глубоком молчании выслушает Лабонно. Но час сменялся часом, а никто не приходил. Подходящее время для признания было упущено. И если теперь он придет, она ему ничего не сможет сказать, в душе опять возникнут сомнения. Страшный крик божества, опьяненного танцем, уже растаял в воздухе. Безмолвно проходят год за годом, и вдруг наступает час, когда Сарасвати стучится у двери людей. Если в этот момент не окажется ключей, чтобы открыть дверь, божественный дар смелого признания не вернется больше. Когда приходит Сарасвати, хочется кричать на весь мир: «Слушайте, я люблю! Я люблю!» Этот крик, точно заморская птица, летит издалека. Его так долго ждало божество в душе Лабонно. Когда он коснулся души Лабонно, весь ее мир, вся ее жизнь приобрели смысл. Спрятав лицо в подушку, Лабонно твердила: «Да, это правда, это истинная правда...»

Время истекло, а Омито не являлся. Сердце Лабонно давила тяжесть ожидания. Лабонно вышла на веранду и, постояв немного под дождем, вернулась. Душу ее охватила глубокая грусть, чувство отчаянной безнадежности. Ей казалось, что свет ее жизни вспыхнул и угас и впереди ничего нет. Решимость сделать Омито признание криком, рвущимся из души, покинула ее. Отвага, которая недавно родилась в ней, теперь остыла. Лабонно долго была в оцепенении, затем взяла со стола книгу. Сначала она не могла сосредоточиться, но потом, увлеченная романом, незаметно забыла обо всем.

Поэтому, когда Джогомайя пригласила ее погулять, у нее не было сил идти.

Джогомайя придвинула стул, села перед Лабонно и спросила, пристально глядя на нее:

— Скажи-ка мне правду, Лабонно, ты любишь Омито?

— Почему ты спрашиваешь меня об этом, кортта-ма? — спросила Лабонно, поспешно вставая.

— Если ты не любишь его, почему ты не скажешь ему прямо? Ты безжалостная. Если он тебе не нравится, не держи его.

Сердце Лабонно стучало, она не могла сказать ни слова.

— У меня сердце разрывается при мысли о том, в каком положении я его застала,— продолжала Джогомайя.— Ради кого он является сюда, как нищий? Ты не понимаешь разве, что девушка, которую он избрал, должна быть непременно счастлива?

Собравшись с силами, Лабонно заговорила:

— Ты спрашиваешь, кортча-ма, люблю ли я его? Я не могу представить, чтобы в мире кто-нибудь мог любить сильнее меня. Я готова жизнь отдать ради моей любви. Теперь я стала не такой, какой была. Во мне появилось нечто новое, и это новое вечно. Кому и как расскажу я о том, какое чудо происходит в моей душе?

Джогомайя была изумлена. Она всегда видела Лабонно совершенно спокойной. Где же Лабонно так долго прятала такую пылкую страсть? И она мягко сказала:

— Лабонно, дорогая, не сдерживай свои чувства. Омито ищет тебя впотьмах. Откройся ему до конца. Если ты дашь ему увидеть огонь, пылающий в твоей душе, ему больше ничего не будет нужно. Пойдем, родная, пойдем со мной.

И они вдвоем пошли к дому Омито.

10. Вторая садхана¹

Омито сидел на мокром стуле, подстелив газеты. На столе лежала большая пачка бумаги. Он только что начал писать свою знаменитую биографию. Если бы его спросили, почему он начал ее писать, он ответил бы, что сам неожиданно понял: жизнь его многоцветна, словно горы Шилонга утром после дождя. Он ответил бы также, что сегодня он познал смысл своего существования и что он не может не писать об этом. По мнению Омито, биографии пишут после смерти потому, что человек хоть и ушел из жизни, но продолжает прочно жить в сердцах людей. Омито считал, что, с одной стороны, живя в Шилонге, он умер и его прошлое умчалось, как призрак, но, с другой стороны, он сам остро ощущал свое существование. Он увидел картину, освещенную ярким светом на фоне темноты, которая была позади. Такое

¹ Садхана — постижение жизни.

открытие достойно описания. Ведь мало кому это выпадает на долю. Люди от рождения до смерти живут в потемках, словно летучие мыши, обитающие в пещере.

Шел маленький дождик. Буря улеглась. Облака поредили.

— Что вы наделали, маши-ма! — закричал Омито, вскакивая со стула.

— Что такое, дорогой, что я сделала?

— Вы же застали меня враспих! Что подумает шримоти¹ Лабонно?

— Шримоти Лабонно не мешает немножко подумать. Надо знать то, что следует знать. Чего же шриджукто² Омито так беспокоится?

— Шримоти должна знать лишь о благополучии шриджукто. А что касается лишений несчастного, для того чтобы знать о них, существуешь ты, моя маши-ма.

— Зачем такое разделение, дитя мое?

— В моих интересах. Благополучие требуют тогда, когда могут дать его же взамен, а если нечего дать взамен, просят благословения. В человеческую цивилизацию Лабонно-деби вносят благополучие, а маши-ма — благословение.

— Но разве нельзя совместить деби и маши в одной? Незачем скрывать лишения.

— На это придется ответить словами поэта. Для пояснения того, что я говорю, нужны стихи. Метью Арнольд³ говорил, что поэзия — это «критика жизни», а я, перефразируя его слова, скажу: «Комментарий жизни в стихах». Но прежде я скажу моей дорогой гостье, что стихи, которые я читаю, написаны не каким-нибудь царем поэтов.

...О нет!

Чего ты жаждешь всей душой своей,—

Того

Ты голыми руками не возьмешь!

И не добьешься, плача у дверей...

Подумайте, ведь любовь — это богатство, ее страстные желания — не жалобы бедняка. Если бог любит покло-

¹ Шримоти — форма обращения к женщине.

² Шриджукто — форма обращения к мужчине.

³ Метью Арнольд (1822—1888) — английский поэт.

няющегося ему, бог приходит к его двери просить милостыню.

...Когда ты ожерелье принесешь
Жемчужное? И за венки — венки?
Ужель у ног богини расстелить
Ковер в пыли дороги ты не смг?

Поэтому я и попросил только Лабонно-деби смиловаться и не входить в комнату. Что же я расстелю, если у меня ничего нет? Эти мокрые газеты? Больше всего я боюсь чернильных пятен теперешних издателей. Поэт сказал: «Я не зову предмет моего сердца разделить мою жажду; я приглашаю его, когда чаша моей жизни переполнена».

В саду, благоухающем весной,
Навек ты принял в грудь ростки любви,
И тысячами ярких языков
Вонзается вдруг пламя в мир ночной!

Первое подвижничество человек совершает на заре жизни. Это подвижничество бедности, когда он, бедный голый санниаси¹, лежит на коленях маши. Это его первая садхана, садхана нежности. В моей хижине ведутся неуклонные приготовления к этому. Я твердо решил назвать эту хижину «дом маши».

— Дорогой, второе подвижничество человека — это подвижничество богатства, садхана любви. Когда по левую руку сидит девушка, мокрые газеты в твоей хижине не мешают этой садхане. Зачем ты уверяешь себя, что не получишь взаимности? Ты же знаешь, что получишь. Сказав это, Джогомайя привела Лабонно, поставила ее рядом с Омито и положила ее правую руку на правую руку Омито; затем она сняла с шеи Лабонно золотое ожерелье, и, обвив им их руки, воскликнула: — Пусть ваш союз будет вечен!

Омито и Лабонно вместе склонились и взяли прах от ног Джогомайи.

— Вы посидите, — сказала она, — а я принесу цветов из сада.

Джогомайя уехала за цветами на машине.

Омито и Лабонно молча сидели на кровати. Наконец, Лабонно взглянула на Омито и спросила:

— Почему ты не приходил сегодня весь день?

¹ Санниаси — отшельник, аскет.

— Причина так незначительна, что сегодня я даже не решаюсь сказать о ней. В книгах нигде не говорится о том, что влюбленный отказался от намерения прийти к своей любимой в дождливый день только потому, что у него не было плаща. Наоборот, описывается, как он переплывает целый океан. Но это относится к области чувств. Ведь я тоже плыву в этом океане. Как ты думаешь, переплыву я когда-нибудь его просторы?

И он процитировал:

Куда мы поплывем теперь с тобою —
Никто еще не плавал в те края...
А если мы утонем — пусть утонем!
Пусть тонет все — и люди и ладья...

Бонне, ты ждала меня сегодня?

— Да, Мита. В шуме дождя мне все время слышались твои шаги. Мне казалось, что ты идешь из бесконечной дали. Наконец, ты пришел ко мне.

— Бонне, когда я не знал тебя, в моей жизни была огромная черная пустота. Это было самое скверное в моей жизни. Сейчас эта пустота совершенно заполнилась. Над ней сияет свет, и небо отражается в ней. Теперь эта заполненная пустота — самое прекрасное в моей жизни. Моя неудержимая болтовня — расходящиеся волны переполненного озера моей души. Не останавливай ее.

— Мита, что ты делал сегодня весь день?

— В моей душе была ты, и ты хранила молчание. Я хотел сказать тебе что-то, но слова изменили мне. С небес лил дождь, и я твердил: «Дайте мне слова! Дайте мне слова!»

...О чудо! О блаженство без ума!
Казавшееся мне всего трудней,
И то, что я несбыточным считал,—
Вдруг легким оказалось, как дыхание, что
Вылетело из груди моей!
Простейшим, как улыбка,
И старым, как земля сама!..

Это мое занятие — присваивать чужие слова. Если бы я имел дар, я переложил бы «Песню о дожде» Биддепоти¹ на музыку и переделал бы ее по-своему.

¹ Биддепоти Тхакур (конец XIV — начало XV в.) — бенгальский поэт.

...А Биддепоти говорил: «Не знаю,
Как мне без Хари¹ дни мои влачить?..»

Как же я буду жить без того, без кого не могу жить? Ну, где я возьму музыку к этим словам? Я смотрел на небеса и просил то слова, то музыку. И бог спустился с небес со словами и музыкой, но по дороге ошибся и неизвестно почему вручил их другому. Наверно, вашему Рабиндранату Тагору.

— Даже те, кто любит Рабиндраната Тагора, не поминуют его так часто, как ты,— засмеялась Лабонно.

— Бонне, сегодня я слишком много болтаю, да? Во мне бушует ветер болтливости. Если бы публиковалась сводка погоды моих настроений, ты поразилась бы и моей эксцентричности. Если бы мы были в Калькутте, я, не жалея сил, помчался бы с тобой до самого Морадабада. Почему до Морадабада, я не смог бы ответить. Когда мчится поток, он шумит, спешит и, смеясь, увлекает за собой время, словно пену.

С корзиной, наполненной цветами подсолнечника, вошла Джогомайя и сказала:

— Лабонно, милая, почти его этими цветами.

Это было всего лишь женское желание выразить в форме обряда то, что было в душе. Любовь к форме в крови у женщин.

Омито улучил момент и шепнул Лабонно на ухо:

— Бонне, я хочу подарить тебе кольцо.

— Зачем, Мита? — возразила Лабонно.

— Я не могу даже представить, сколько ты дала мне, вложив свою руку в мою. Как много говорят поэты о лице возлюбленной! А ведь в прикосновении руки выражается душа. Нежность любви, самоотверженность любви, боль сердца, невысказанные чувства — все в этом прикосновении. Кольцо обовьется вокруг твоего пальца, напоминая тебе мои слова: «Ты моя». И пусть на твоей руке эти слова вечно звучат на языке золота, на языке драгоценностей.

— Хорошо, пусть будет так,— согласилась Лабонно.

— Я велю привезти кольцо из Калькутты. Скажи, какой ты хочешь камень?

— Никакой. Пусть будет жемчуг.

— Очень хорошо. Я тоже люблю жемчуг.

¹ Хари — один из эпитетов бога Вишну.

Их свадьба была назначена на месяц огрохаён¹. Решено было, что Джогомайя поедет в Калькутту и все приготовит.

— Тебе давно следовало уехать в Калькутту, — обратилась Лабонно к Омито. — Ты долго пребывал в неизвестности. Теперь все ясно. Поезжай без опасений. Мы не увидимся до свадьбы.

— Зачем такие строгости?

— Как-то ты говорил о том, что счастье должно быть необременительным, легким. Так вот, для того, чтобы сохранить эту легкость.

— Очень мудрые речи. Я думал, что ты поэтесса, а теперь подозреваю, что ты философ. Ты говоришь замечательные вещи. Необходимо усилие, чтобы легкое оставалось легким. Чтоб облегчить стихотворный размер, в нужных местах надо сделать паузы. Из-за чрезмерной жадности мы не делаем пауз в поэзии жизни, ритм нарушается, и жизнь становится бессвязной и немелодичной. Хорошо, я завтра же уеду. Это так неожиданно после таких заполненных дней. Это будет так, как говорится в «Поэме об убийстве Мегхонада»².

...И когда в царство Ямы
Отправился он преждевременно...

Ладно, я уеду из Шилонга, но месяц огрохаён из календаря не сбежит. Знаешь, что я буду делать, когда приеду в Калькутту?

— Что?

— Пока Джогомайя будет совершать приготовления ко дню свадьбы, я буду готовиться к дням, которые последуют после свадьбы. Люди забывают, что супружество — это искусство и его надо каждый день обновлять. Ты помнишь, Еонне, как в «Рагхуванше»³ махараджа Аджа описывает Индумати?

Лабонно продекламировала на санскрите:

Дорогая моя ученица в искусстве любви!

¹ Месяц огрохаён — соответствует ноябрю — декабрю.

² «Поэма об убийстве Мегхонада» принадлежит перу бенгальского поэта Майкела Модхушудона Дотто (1824—1873).

³ «Рагхуванша» — поэма Калидасы.

— В супружеской жизни должна присутствовать эта любовь. Многие глупцы считают супружество простым союзом. Поэтому-то этим союзом так пренебрегают после свадьбы.

— Объясни мне, как ты понимаешь этот союз? Если хочешь, чтобы я была твоей ученицей, начни первый урок сегодня.

— Хорошо, слушай. Поэт создает размер, устанавливая ритм по своей воле. Брачный союз также надо украсить ритмом, создаваемым по желанию. Когда получаешь сразу, стоит лишь захотеть, это самообман, потому что дорогая вещь кажется дешевой. То, что дорого достается, приносит радость.

— Что ты считаешь дорогим, а что дешевым?

— Подожди. Раньше я расскажу о картине, которая мне представляется. Берег Ганга. Сад близ Даймонд Харбор. Маленький пароходик, который за два часа добирается до Калькутты.

— Тебе опять понадобилась Калькутта?

— Сейчас Калькутта мне не нужна, ты знаешь это. Правда, я хожу в библиотеку, — но не заниматься, а играть в шахматы. Адвокаты поняли, что в работе я не заинтересован и душа моя к ней не лежит. Когда бывает какое-нибудь дело, которое можно уладить полюбовно, они передают его мне. Но после свадьбы я покажу им, что такое работа, не ради жалованья, а ради работы. Внутри плода манго есть ядро. Оно несладкое, жесткое, несъедобное, но из этой косточки развивается новый плод. Ты поняла, для чего нужна каменная оболочка Калькутты?

— Поняла. Тогда мне она тоже нужна. Придется ехать в Калькутту и мне.

— А почему бы и нет? Но не гулять, а заниматься делом.

— Каким же делом? Бесплатным, ради чести?

— Нет, такая работа — не работа и не отдых, это ерунда. Если хочешь, ты можешь преподавать в женском колледже.

— Да, хочу. Что дальше?

— Я ясно вижу берег Ганга. На отлогом берегу поднимаются воздушные корни баньяна¹. Когда Дхонопоти²

¹ Баньян — дерево, растущее в Индии. Его ветви дают многочисленные воздушные корни, которые, врастая в землю, образуют новые стволы.

² Дхонопоти — герой древней индийской легенды о «Дхонопоти и Фуляре».

плыл по Гангу, отправляясь на Цейлон, он, наверно, причалил к этому баньяну и под ним готовил пищу. Направо от баньяна — замощенная пристань, полуразрушенная, рас- трескавшаяся, поросшая лишайниками. У пристани — наша легкая лодочка, выкрашенная в зеленый и белый цвет. На голубом флажке белыми буквами написано ее название. Какое — скажи ты.

— Сказать? «Митали»¹.

— Именно «Митали». Я думал — «Шагори»² — и гордился этим названием. Но придется победу присудить тебе. В саду имеется маленькая бухта. На одном ее берегу мой дом, на другом твой.

— Ты будешь каждый день переплывать ее, и мне надо будет держать огонек на окне?

— Мы будем переплывать мысленно, а ходить будем по деревянному мостику. Твой дом будет называться «Маноши»³, а название моему дому придумай ты.

— «Дипок»⁴.

— В самый раз. Я помещу на крыше дома светильник. В вечер наших встреч он будет гореть красным светом, а в ночь разлуки — голубым. Каждый день, вернувшись из Калькутты, я буду ждать твое письмо. Если к восьми вечера я его не получу, я прокляну мою несчастную судьбу и попытаюсь читать «Логик» Бертрана Рассела⁵. Без приглашения я ни в коем случае не буду приходить к тебе — таково будет наше правило.

— А я к тебе?

— Лучше придерживаться этого правила, но не будет плохо, если иногда ты будешь нарушать его.

— Если нарушение этого правила не станет правилом, в какое же состояние придет твой дом? Уж лучше мне надеть чадру.

— Ладно. Но мне нужно приглашительное письмо. Пусть в этом письме не будет ничего, кроме нескольких строк из какого-нибудь стихотворения.

— А я что же, не получу приглашения? Я недостойна этого?

¹ «Митали» — дружба, согласие.

² «Шагори» — морская, морячка.

³ «Маноши» — умная, умница.

⁴ «Дипок» — светильник.

⁵ Бертран Рассел — современный английский философ.

— Я буду приглашать тебя раз в месяц, в ночь полнолуния, когда через четырнадцать дней будет являться полная луна.

— А теперь покажи образец твоего письма дорогой ученице.

— С удовольствием.

Омито вынул из кармана записную книжку, вырвал из нее лист и написал:

...В саду моем ветви овей,
Ветер с южного моря,
Когда время придет
Навестить меня милой моей
И окликнет меня моя милая,—
Тут же повеи,
Ветер с южного моря!..

Лабонно не вернула ему листочек.

— Теперь покажи образец твоего письма,— попросил Омито.— Посмотрим, какие ты сделала успехи.

Лабонно хотела написать на листочке бумаги, но Омито запротестовал:

— Нет, пиши в моей записной книжке!

Лабонно написала на санскрите, цитируя Джаядеву:¹

Мита, ты — моя жизнь, ты — сокровище.
Ты — жемчужина моря жизни моей.

— Удивительное дело,— заметил Омито, пряча книжку в карман,— я цитировал стихи женщины, а ты — мужчины. Но это понятно. Будь то дерево шимуль² или бакуль³, они горят одинаковым огнем.

— Приглашения окончены,— перебила Лабонно.— Что дальше?

— Взошли звезды. Ганг поднялся от прилива, в роще тамарисковых⁴ деревьев шумит ветер, вода плещется о корни старого баньяна. Сзади твоего дома есть пруд, поросший лотосами. На его пологом берегу ты моешься, расчесываешь волосы. Твой наряд каждый день нового цвета. Идя к тебе, я буду размышлять о том, какого цвета окажется он

¹ Джаядева (около XII в.) — знаменитый бенгальский поэт.

² Шимуль — шелковица, или тутовое дерево.

³ Бакуль — вечнозеленое дерево, распространенное по всей Индии. Цветет белыми душистыми цветами.

⁴ Тамариск — небольшое дерево с мелкими чешуйчатыми листьями.

сегодня. У нас не будет установленного места встреч. Мы будем встречаться то на утоптанной площадке под деревом чампака¹, то на плоской крыше дома, то на берегу Ганга. Совершив омовение в Ганге, я одену белое муслиновое дхоти и чадор, на ноги — сандалии, украшенные слоновой костью. Придя, я застаю тебя сидящей на ковре. Перед тобой на серебряном блюде будет лежать пышная гирлянда из цветов, в чаше — сандаловая паста², в углу курятся благовония. Во время праздника пуджи³ мы отправимся путешествовать по крайней мере месяца на два. Но в разные места. Если ты поедешь в горы, я поеду к морю. Я изложил тебе мои основы супружеского двоецарствия. Что ты скажешь?

— Я согласна принять их.

— Между «принять» и «признать» есть разница.

— Если то, что нужно тебе, не будет нужно мне, я не буду противоречить.

— Не нужно тебе?

— Да. Ты одновременно и рядом со мной и очень далеко от меня. Мне незачем сохранять это расстояние с помощью каких-нибудь правил. Во мне нет ничего, за что мне было бы стыдно перед тобой. Поэтому в супружеской жизни два дома на двух берегах для меня безопасны.

Омито вскочил со стула и воскликнул:

— Я не желаю терпеть поражение, Бонне! Долой мой сад! Я и шагу не ступлю из Калькутты! Я найму комнату за семьдесят пять рупий⁴ на верхнем этаже конторы Ниронджона. Там мы будем жить вместе. В мире чувства нет расстояний. На левой стороне широкой полутораметровой постели будет твоя резиденция — «Манюши», на правой стороне моя — «Дипок». У восточной стены — шифоньер с зеркалом, в котором будут отражаться твое лицо и мое. У западной стены — книжный шкаф. Он будет заслонять солнце, и в нем будет помещаться домашняя библиотека двух читателей. В северной части комнаты — диван. Я буду сидеть в углу дивана и слева от себя оставляю место. Ты

¹ Чампак — дерево с ароматными цветами желтого цвета.

² Сандаловая паста — готовится из сандалового дерева, древесина которого очень душиста.

³ Пуджа — праздник в честь богини Кали в конце сентября — начале октября.

⁴ Рупия — основная денежная единица Индии. Равна примерно 84 копейкам.

будешь стоять в двух шагах от меня, около вешалки. Дрожжащими руками я протяну пригласительное письмо. В нем будет написано:

Легко, в южный ветерок,
Над нашей кровлею провей,
Когда глазами встречу я
Глаза возлюбленной моей!

Разве это плохие стихи, Бонке?

— Вовсе нет, Мита. Но откуда ты их взял?

— Это из тетради моего друга Нильмадхоба. Он еще не знал тогда своей будущей жены. Но, мечтая о ней, отлил английские стихи в калькуттскую форму. Я тоже участвовал в этом. Он стал магистром экономики, начал получать пятнадцать тысяч рупий жалованья и привел в дом жену с восьмьюдесятью тола¹ драгоценностей. Их глаза встретились, южный ветерок тоже веял, но стихи ему больше не понадобились. Теперь он не будет иметь ничего против, если его товарищ присвоит себе право на эти стихи.

— Над твоей крышей тоже будет веять южный ветерок, но всегда ли твоя жена останется новой для тебя?

Омито закричал, ударяя кулаком по столу:

— Останется! Останется! Останется!

Из соседней комнаты поспешно выбежала Джогомайя и спросила:

— Что останется, Омито? Мой стол явно не останется.

— Останется все, что вечно на земле. Вечно новая жена — редкость. Но если один раз из ста тысяч такая выпадет на долю, она всегда будет новой.

— Приведи нам пример.

— Настанет время — приведу.

— Очевидно, это будет не скоро. Идемте пока обедать.

12. Последний вечер

После обеда Омито объявил:

— Маши-ма, завтра я еду в Калькутту. Все мои друзья и родные опасаются, что я совсем превратился в отшельника.

¹ Тола — мера веса в Индии, равна ста восьмидесяти граммам.

— Разве они полагают, что в тебе так легко происходят перемены?

— Конечно. Иначе какие же это родственники и друзья? Но это не значит, что я так легко меняюсь и что я превратился в отшельника. Перемена, которая произошла во мне, — немалая. Это перемена, составляющая эпоху, она означает конец старой жизни. Праджапати¹ пробудил во мне что-то новое. Маши-ма, позволь нам с Лабонно прогуляться. Перед отъездом я хочу, чтобы мы вместе поклонились горам Шилонга.

Джогомайя разрешила. И Омито с Лабонно отправились рука об руку, тесно прижавшись друг к другу. Дремучий лес уходил вниз от края безлюдной тропинки. В одном месте, где лес расступался, сквозь теснины гор виднелось небо. Казалось, оно протягивало ладони, наполненные последним светом заходящего солнца. Там они остановились, обернувшись к западу. Омито привлек к себе на грудь голову Лабонно. Из полуприкрытых глаз Лабонно струились слезы. По золоту неба разливалось сияние рубинового и изумрудного света. Сквозь просветы редких облаков повсюду виднелась такая яркая голубизна, что казалось, будто именно там, в бесплотном мире, существует истинная радость, будто в этом царстве бессмертных звучит неуловимая мелодия. Постепенно сумерки сгустились, и раскрытое небо сомкнуло свои многоцветные лепестки, словно цветок ночью.

— Пойдем, — прошептала Лабонно. — Она почувствовала, что настало время вернуться. Омито понял это и ничего не сказал. Он прижал Лабонно к себе, и они медленно пошли обратно.

— Я должен уехать завтра утром, — заговорил Омито, — перед отъездом я не приду к тебе.

— Почему?

— Глава нашей жизни в горах Шилонга кончилась на самом подходящем месте. Это была первая глава, прелюдия к раю.

Лабонно промолчала. Она шла, сжимая руку Омито, в ее груди радость мешалась с подавленными рыданиями. Она знала, что никогда больше непостижимое не пройдет так близко от нее. Их «благоприятный взгляд» совершился в святой миг, но вслед за этим для нее не будет комнаты

¹ Праджапати — эпитет Брахмы, бога-творца.

для новобрачных. Ей останется только последние пронам¹, пронам встречи и расставания. Ей очень хотелось сейчас сделать Омито этот пронам и сказать ему: «Ты дал мне счастье». Но она не сделала этого.

Когда они уже подходили к дому, Омито попросил:

— Бонне, скажи мне стихами твое последнее слово, чтобы легче было запомнить его. Скажи, о чем ты думаешь.

Немного помолчав, Лабонно произнесла:

...Не дам тебе счастья, я дам тебе только свободу —
В сияющем дальнем конце этой ночи оставляю.
Ни просьб, ни упреков, ни дерзкого смеха, в угоду
Тщеславию горя, ни слез, ни обидного слова —
Свободу одну, от себя отрекаясь, оставляю,—
Один этот дар принесу, и не будет другого!

— Бонне, не надо! Сегодня ты не это должна была сказать, совсем не это. Сейчас же возьми свои стихи назад.

— Что ты испугался, Мита? Это любовь, очищенная огнем. Она не требует счастья. Свободная, она дарует свободу. Она не оставляет после себя ни пресыщенности, ни скуки.

— Но я хотел бы знать, где ты взяла эти стихи?

— Это стихи Рабиндраната Тагора.

— Я не встречал их ни в одной из его книг.

— Они не опубликованы.

— Как же ты их достала?

— Я знала юношу, который почитал моего отца, как гуру². Отец давал ему пищу для разума. Но в сердце юноши был голод. И в свободное время он обращался к Рабиндранату Тагору, пригоршнями получая милостыню из тетради его стихов.

— И приносил ее к твоим ногам?

— Он не был так дерзок. Он клал стихи так, чтобы я случайно увидела их.

— И ты сжалилась над ним?

— Мне не представилось случая. Но я молила бога, чтобы он сжалился над юношей.

— Я уверен, что стихи, которые ты мне прочитала, созвучны с мыслями этого несчастного.

— Да, конечно.

¹ Пронам — поклон, выражающий почтение и любовь. Совершающий пронам поднимает к лицу сложенные ладони рук.

² Гуру — духовный наставник, учитель.

— Почему же ты вспомнила их сегодня?
— Как тебе сказать? Вместе с этими стихами был еще отрывок. Его я тоже сегодня вспомнила. Почему — не знаю.

О прекрасная! Слезы
Угасили сияние глаз твоих,
Нестерпимый огонь
Разожгла ты сама в груди своей,—
Скорби темное пламя одно теперь властвует,
Из души очарованной изгоняя мечту...
И в жестоком огне этом зародившийся —
Только лотос разлуки о ста лепестках в цвету!

Омито спросил, взяв руку Лабонно:

— Бонне, почему сегодня этот юноша встал между нами? Это не ревность, я не признаю ревности, но какой-то страх закрадывается в мою душу. Скажи мне, почему именно сегодня тебе вспомнились эти стихи?

— В тот день, когда он навсегда оставил наш дом, после его ухода я нашла на его письменном столе эти два стихотворения. Кроме них, там были еще неопубликованные стихи Рабиндраната Тагора, почти целая тетрадь. Сегодня я прощаюсь с тобой и, быть может, поэтому мне пришли на память эти прощальные стихи.

— Разве то прощание и это — одно и то же?

— Что тебе сказать? Объяснения не нужны. Эти стихи мне понравились, поэтому я их прочитала тебе. По-моему, других причин, кроме этой, нет.

— Бонне, произведения Рабиндраната Тагора раскроют свою истинную красоту лишь тогда, когда люди их совершенно забудут. Поэтому я и не декламирую его стихов. Популярность подобна туману, который марает небо мокрой рукой.

— Знаешь, Мита, женщины прячут в тайниках то, что им дорого, и не показывают людям. Они платят цену какую только могут и никогда не торгуются.

— В таком случае, Бонне, у меня есть надежда. Я уничтожу маленькое клеймо моей рыночной цены и с гордостью приму большую печать твоей оценки.

— Мы уже подошли к дому, Мита. Теперь я хочу услышать твои стихи, посвященные концу пути.

— Не сердись, Бонне, но я не смогу декламировать стихи Рабиндраната Тагора.

— Зачем же мне сердиться?

— Я обнаружил поэта, стиль которого...

— Я все время слышу о нем от тебя. Я написала в Калькутту, чтобы мне прислали его книги.

— О ужас! Его книги! За ним водится много недостатков, но книги он никогда не печатал. Тебе придется через меня понемногу знакомиться с его произведениями. А иначе может...

— Не волнуйся, Мита, я надеюсь, что тоже пойму его, как и ты. Он будет и моим поэтом.

— Каким образом?

— То, что я приобретаю по своему вкусу,— мое, и то, что я получу по твоему вкусу,— тоже будет мое. Я приму это в пригоршне, сложенную из двух душ. В твоей маленькой комнате в Калькутте я буду держать в книжном шкафу стихи двух поэтов. А теперь скажи свои стихи.

— Мне уже не хочется говорить. От рассуждений испортилась погода.

— Ничуть не испортилась. Погода прекрасная.

Омито откинул волосы со лба назад и начал с чувством:

Ты далеко над вершиною горы,
О прекрасная звезда зари, гляди!
Ночь приблизится к концу — и с той поры
Заблудившимся в пути руководи...

Понимаешь, Бонке, месяц приглашает утреннюю звезду разделить его одиночество. Ему скучно.

Там, где неба и земли слились края,
На груди у долгой ночи — бледный свет.
Полусонный поздний месяц — это я,
Блеска тусклого полоска, тонкий след...

Он в полудремоте, его свет слаб, едва прорезает тьму. И это его печалит. Он попал в сети обыденности и всю ночь бормочет, стараясь их разорвать. Какая идея! Грандиозная!

Я воздвиг в пустынной смутности мой трон,—
Здесь великая пустыня сна..
Струны вины¹ трогаю сквозь сон,—
Лишь дремоту разогнала бы она!

Но бремя такого легкого существования слишком тяжело. В медленном и вялом течении пересыхающей реки

¹ В и н а — струнный музыкальный инструмент.

собирается мусор. Тому, кто слаб, трудно заботиться о себе. Поэтому месяц говорит:

Я усталой, сонной поступью бреду,
Вот уже кончается мой путь,
Тих мой голос, речь неясна, как в бреду,—
Будто связан — и не вырваться из пут...

Но разве эта усталость означает конец? Он надеется натянуть ослабевшие струны вины, ему слышатся чьи-то шаги за горизонтом.

Я прекрасную звезду зарю зову..
О, скорей! Не дожидайся света дня.
Ту мелодию верни мне наяву,
Что во сне вдруг ускользнула от меня!

Он надеется на спасение. Он слышит ужасный грохот пробуждающейся вселенной, и вестница великого пути является с лампой в руке и говорит:

Музыку взметнув из бездны тьмы,
Дай ей на рассвете прозвучать!..
Музыка заглохла в бездне тьмы,—
Пусть родится на живой заре опять!
Там, где сон уже исчез и позабыт,
Там, где грохот мирозданья, бытия,—
В руки вину я возьму,— она не спит..
Сонный месяц просыпающийся — я!

Этот несчастный месяц — я. Завтра утром я уеду, но я не хочу, чтобы после моего отъезда осталась пустота. Не-проглядный мрак моей жизни на рассвете озарит прекрасная утренняя звезда. В этих стихах есть твердая надежда, радостная гордость наступающим рассветом. Это не то, что относящиеся неизвестно к какому времени сентиментальные стенания твоего Рабиндраната Тагора.

— Что же ты сердисься, Мита? У меня свой вкус. Разве я виновата, что он не сходится с твоим вкусом или вкусом других людей. Я даю тебе слово, что, если мне найдется место в твоей комнате, которую ты будешь нанимать за семьдесят пять рупий, я буду выслушивать стихи твоих поэтов, но не буду навязывать тебе стихи моих поэтов.

— Это неправильно. Супружество существует для того, чтобы терпеть тиранию друг друга.

— Ты не будешь сносить тиранию моего вкуса. Вы не допускаете до своих наслаждений никого, кроме приглашенных, а я с радостью приму любого гостя.

— Зря я начал этот спор. Он испортил красоту нашего последнего вечера.

— Нисколько. Истинная красота останется, если то, о чем надо сказать, будет сказано прямо. И красота наших отношений именно такая. Ее терпимость беспредельна.

— Надо уничтожить неприятный вкус у меня во рту. Но бенгальские стихи для этого не подойдут. Английские стихи охлаждают мой темперамент. Когда я вернулся на родину, я некоторое время был преподавателем.

— Наш темперамент,— заметила, смеясь, Лабонно,— напоминает бульдога в английском доме. Этот бульдог рычит, завидев развешивающиеся складки дхоти, ему безразлично, кто носит его. А при виде одетого в ливрею он виляет хвостом.

— Совершенно верно. Пристрастие не врожденно. Большею частью его создают по заказу. В нас с детства вдалбливали пристрастие к английской литературе. И поэтому у нас не хватает смелости ни ругать ее, ни хвалить. Ну и пусть! Сегодня не будет Нибарона Чокроборти, сегодня будут только английские стихи без перевода!

— Нет-нет, Мита, оставь свой английский. Он уместен дома, за письменным столом. А сегодня наши последние вечерние стихи должны принадлежать Нибарону Чокроборти и больше никому.

Омито просиял.

— Да здравствует Нибарон Чокроборти! — воскликнул он.— Наконец-то он стал бессмертным. Бонне, я сделаю его твоим придворным поэтом. Больше ни от кого он не будет получать награду.

— Разве это его полностью удовлетворит?

— А иначе я возьму его за ухо и выведу вон.

— Ну, хорошо. Поговорим об этом потом. А теперь дай мне услышать твои стихи.

Омито начал декламировать:

Как терпелива была ты со мной

Дни и ночи!

Пыль на дороге моей судьбы

Отпечаток следов твоих верно хранит...

И сейчас, когда время разлуки пришло

И последние дни все короче,—

Преклоненье мое оставляю как дар,

Уходя далеко...

Нет обид!..

Сколько раз после тщетных усилий разжечь
 Древний жертвенник жизни
 Безнадежного, горького дыма клубы
 Только таяли в пустоте...

Сколько раз только бледные знаки огонь
 Наносил на чело незаботливой ночи — непризнанный!
 А сегодня приходишь,— и вот
 Ярким пламенем жертвенник горд!
 О, да будет же признана светлая жертва тобой
 На окраине дня,
 О, да будет же благословенна она — эта жертва!
 И прими мой поклон —
 Целой жизни итог —
 от меня!
 В ясном царстве твоём,
 С высоты озаренного трона,
 Терпеливо устрой,
 Чтобы принят он был благосклонно,—
 Мой глубокий поклон —
 от меня!

13. Тревога

Сегодня с утра Лабонно не могла заниматься. Гулять она тоже не пошла. Омито сказал, что им не следует видаться утром накануне его отъезда из Шилонга. Тяжесть выполнения этого решения легла на обоих, потому что Омито должен был пройти по той дороге, где Лабонно обычно гуляла. Ей очень хотелось туда пойти, но пришлось подавить в себе это желание. Джогомайя вставала всегда очень рано, совершала омовение и отправлялась за цветами, чтобы принести их в жертву богам. Но сегодня Лабонно еще до ее ухода вышла из дома и уселась под эвкалиптовым деревом. В руках у нее были две книги, видимо для того, чтобы обмануть себя и окружающих. Книги были раскрыты, но время шло, а страницы не перевертывались. Внутренний голос твердил ей о том, что великий праздник ее жизни окончился вчера. Сегодня все утро разрушительный вестник очищал небо облаками и светом. Она была убеждена, что Омито — вечный беглец и что если он исчезнет, то исчезнет бесследно. Он идет по дороге и что-то рассказывает, а наутро нить рассказа оказывается прерванной, и путник исчезает. Поэтому Лабонно казалось, что ее рассказ навсегда останется незавершенным. Сегодня мука этой незавершен-

ности присутствовала в утреннем свете, а горе безвременной разлуки — во влажном воздухе.

Но неожиданно в девять часов Омито с шумом ворвался в дом, крича:

— Маши-ма, маши-ма!

Джогомайя уже окончила утреннюю молитву и была занята в кладовой. Сегодня ей тоже было не по себе. Своей болтовней, живостью, смехом Омито так долго наполнял ее дом и ее любящую душу. Гнетущая мысль об его отъезде тяготила ее все утро. Так под тяжестью дождевых капель никнут цветы. Опечаленная разлукой, она не звала Лабонно помочь ей в хозяйственных делах. Она понимала, что Лабонно надо побыть одной, вдали от глаз людей.

Услышав голос Омито, Лабонно торопливо вскочила. С колен ее упали книги, но она не заметила этого. В это время Джогомайя выбежала из кладовой и спросила:

— Что случилось, Омито? Землетрясение, что ли?

— Вот именно, землетрясение. Я уже отослал вещи, машина была готова. Я пошел на почту узнать, нет ли писем. А там — телеграмма.

При виде выражения лица Омито Джогомайя встревоженно спросила:

— Я надеюсь, вести хорошие?

Лабонно вошла в дом. Омито произнес с подавленным видом:

— Сегодня вечером приезжает Сисси, моя сестра, со своей подругой Кети Миттер и ее братом Нореном.

— Что же ты расстраиваешься, мой мальчик? Я слышала, что около ипподрома есть свободный дом. А если тебе никак не удастся достать им квартиру, разве у меня здесь не найдется свободного места?

— Я думаю не об этом, маши. Они сами заказали по телеграфу место в отеле.

— А все-таки я не допущу, чтобы они увидели тебя в твоей хибарке. За твои безумства они будут считать ответственными нас.

— Нет, маши-ма, мой рай утерян. Я прощаюсь со своим неблагоустроенным небом. Мои сны улетят из уютного гнездышка моей простой кровати. Мне придется поместиться в весьма благоустроенном номере отеля.

В том, что он сказал, не было ничего особенного, но Лабонно побледнела. До сих пор ей никогда не приходила в голову мысль о том, какое большое расстояние существует

между ее положением и положением Омито. Теперь в одно мгновение она поняла это. В том, что Омито сегодня собирался уехать в Калькутту, не было грозного призрака разрыва. Но, узнав, что теперь он вынужден переселиться в отель, Лабонно почувствовала, что дом, который они создали в своих мечтах, никогда не воплотится в осязаемую форму.

Взглянув на Лабонно, Омито сказал Джогомайе:

— Отправляюсь ли я в отель, или в ад, но мой настоящий дом останется здесь.

Омито знал, что Сисси и ее друзья приезжают из города с нехорошими намерениями. Он строил разные планы, чтобы они не могли сюда приехать. Но с недавнего времени письма ему стали приходить на адрес Джогомайи. Тогда он и не думал, что от этого может произойти несчастье. Омито не умел скрывать свои чувства, наоборот — он чрезмерно проявлял их. Джогомайе не понравилось, что Омито так сильно обеспокоен приездом сестры. Лабонно тоже подумала, что Омито стыдится за нее перед сестрой и ее друзьями. Это было неприятно и унижительно.

— У тебя есть время? — обратился Омито к Лабонно. — Ты пойдешь гулять?

— Нет, мне некогда, — сухо ответила Лабонно.

— Иди же, милая, иди погуляй, — с беспокойством сказала Джогомайя.

— Кортта-ма, — ответила Лабонно, — с некоторых пор я очень пренебрегала занятиями с Шуромой. Это нехорошо. Вчера вечером я твердо решила, что отныне разболтанности не будет. — Сказав это, Лабонно сжала губы, и на лице ее появилось выражение непреклонности.

Джогомайе было знакомо это выражение упрямства у Лабонно. Она больше не решалась настаивать.

Омито тоже произнес сухо:

— И я пойду выполнять мои обязанности. Я должен все приготовить для них.

Но прежде чем уйти, он остановился на веранде.

— Бонне, посмотри: из-за деревьев чуть видна крыша моего дома. Я не говорил тебе, что купил этот дом. Хозяин был изумлен. Он решил, что я обнаружил там золотую жилу, и взвинтил цену. Я действительно нашел там золотую жилу, но лишь мне известно, где она находится. Богатство моей ветхой хижины будет скрыто от всех.

Тень глубокой печали легла на лицо Лабонно.

— Почему ты так беспокоишься о том, что скажут люди? Пусть все узнают. Нужно знать правду, тогда никто не посмеет нанести оскорбление.

— Бонне, я решил, — не отвечая на ее слова, продолжал Омито, — что после свадьбы мы будем жить в этом доме. Мой сад на берегу Ганга, спуск к реке, баньяновое дерево — все соединилось в этом доме. Имя «Митали», которое ты дала, подходит к нему.

— Сегодня ты ушел из этого дома, Мита. Если ты когда-нибудь захочешь в него опять вернуться, то обнаружишь, что он уже не нравится тебе. В жилище сегодняшнего дня нет места завтрашнему. Как-то ты сказал, что первая садхана в жизни — это садхана бедности, а вторая — садхана богатства. Но ты не сказал о третьей садхане — садхане разлуки.

— Бонне, это слова твоего Рабиндраната Тагора. Он писал, что шах Джахан оставил даже свой Тадж-Махал. Твоему поэту и в голову не приходит, что мы создаем, чтобы покинуть созданную вещь. В процессе созидания это называется эволюцией. Какой-то необыкновенный демон созидания садится нам на плечи и понуждает: «Создавай!» А когда мы создадим, этот демон оставляет нас, и тогда созданное нам уже не нужно. Но то, что оставлено нами, не исчезает. По земле разливается неиссякаемый поток памяти о шахе Джахане и Мумтаз. А разве они одни? Вот поэтому Тадж-Махал никогда не опустеет. Нибарон Чокроборти написал стихи о брачной комнате. Это краткий ответ твоему величайшему из поэтов, написанный на почтовой открытке:

Мне придется покинуть тебя,
Древний брачный покой,
Лишь разбудит плененную ночь
скрип повозок зари!..
Весь огромный встревоженный мир —
ненавистник разлуки, —
Хоть и сам разлучает порой...
Разрывая цветочные цепи любви, —
он разлукам не друг, —
Хоть и сам осуждает на муки!..
Ты же вечно один,
Неизменен,
О брачный покой!
Вечно будет твой праздник звучать!
Кто сказал, что супруги
Покидают тебя? —
Никогда!

Не ушли, не ушли!

В новых обликах входят опять

В эти гостеприимные стены,

На призыв твой вернулись сюда —

И пленились тобой!

О мой брачный покой неизменный!

Ты бессмертен,— и в мире бессмертна любовь...

Рабиндранат Тагор говорит о том, что уходит. Он не умеет воспевать то, что остается. Бонне, не говорит ли поэт, что, если мы оба когда-нибудь постучимся в эту дверь, она откроется?

— Умоляю тебя, Мита, не затевай сегодня ссоры из-за поэтов. Ты думаешь, я с первого дня не догадалась, что Нибарон Чокроборти — это ты? Не делай из этой поэмы памятника нашей любви, подожди, хотя бы пока она умрет.

Лабонно понимала, что Омито сегодня говорит о пустяках, чтобы скрыть внутреннее беспокойство. Омито тоже почувствовал, что если спор о поэзии вчера не был неуместен, то сегодня он прозвучал диссонансом. Но ему не нравилось, что это было ясно и для Лабонно.

— Ну что ж, я пойду,— сказал он сдержанно.— В мире и у меня есть дело, сегодня оно состоит в том, чтобы осмотреть отель. Кажется мне, что прошло время отдыха для несчастного Нибарона Чокроборти.

Лабонно взяла Омито за руку.

— Послушай, Мита,— сказала она,— никогда не сердись на меня. Если настанет время разлуки, молю тебя, не уходи, не простив меня.— И она поспешно вышла в другую комнату, чтобы вытереть слезы.

Омито замер на месте. Затем в рассеянье направился к эвкалипту. Под ним были разбросаны колотые грецкие орехи. При виде их у него сжалось сердце. Следы, которые остаются после того, как пронесется поток жизни, печальны своей ничтожностью. Потом он увидел на траве книжку. Это были «Залетные птицы» Рабиндраната Тагора. Последняя страница была мокрой. Сперва он хотел пойти и вернуть книгу, но потом положил ее в карман. Он хотел идти в отель, но не пошел, а сел под деревом. Мокрые ночные облака вымыли небо. Ветер смыл пыль, и вокруг все стало ясным. На яркоголубом небе четко вырисовывались очертания гор и деревьев. Казалось, будто сама земля приблизилась к душе человека. Время тянулось медленно, в нем слышалась музыка вселенной.

Лабонно собиралась сегодня усердно заниматься. Но когда она увидела, что Омито сидит под эвкалиптом, больше держиваться она не могла. Сердце ее забилось, глаза застлало слезами. Она подошла к Омито и спросила:

— Мита, о чем ты думаешь?

— Совсем не о том, о чем думал раньше.

— Надо время от времени менять свой взгляд на вещи. Что же это у тебя за новые мысли?

— До сих пор я строил себе жилища — то на берегу Таंगा, то в горах. А сегодня моему мысленному взору в утреннем свете предстала дорога, поднимающаяся по горам в тени деревьев. В руках у меня подбитая железом длинная палка, за спиной квадратный рюкзак на кожаных ремнях. Ты идешь со мной. Да будет благословенно твое имя, Бонне, ты вывела меня из тесного дома и повела по этой дороге. Дом переполнен людьми, а на дороге — только двое.

— Сад в Даймонд-Харборе исчез, а за ним и несчастная комната за семьдесят пять рупий. Ну и ладно! Но как же мы будем сохранять расстояние между нами на дороге? К вечеру ты будешь останавливаться в одной гостинице, а я в другой?

— Этого не нужно, Бонне. В пути новизна сохраняется с каждым новым шагом, там не остается времени для усталости. Неподвижность приближает старость.

— Отчего это тебе пришло в голову, Мита?

— Сейчас объясню. Я неожиданно получил письмо от Шобхонлала. Наверно, ты слышала его имя: он удостоен стипендии «Премчанд Райчанд». Он путешествует, чтобы найти древние пути индийской истории. Он хочет отыскать затерянные пути прошлого, а я хочу проложить дороги будущего.

У Лабонно перехватило дыхание. Она перебила Омито:

— Я сдавала экзамены на степень магистра в один год Шобхонлалом. Что ты знаешь о нем?

— Одно время он был занят разыскиванием дороги, которая проходила через древний афганский город Капиш. По этой дороге Сюань Цзян¹ пришел в Индию как паломник, а до него — Александр Македонский как завоеватель. Шобхонлал стал усердно изучать пушту² и законы пата-

¹ Сюань Цзян — знаменитый китайский пилигрим и философ средних веков.

² Пушту — язык, на котором говорят в Афганистане.

ков¹. У него красивое лицо, и в широких одеждах он больше похож на перса, чем на патана. Он просил меня дать ему рекомендательное письмо к французским ученым, которые занимались этой же проблемой. Я дал ему письмо, но индийское правительство не дало ему заграничного паспорта. После этого он все время разыскивает дорогу через непроходимые Гималаи: то в Кашмире, то в Кумаоне. Сейчас он хочет обнаружить в восточной части Гималаев дорогу, по которой из Индии шли проповедники буддизма. Его страсть к путешествиям волнует и меня. Мы портим глаза, пробегая ими по дорогам слов древних рукописей, а этот безумец решил читать рукопись дорог, которую собственноручно написал творец рода человеческого. Знаешь, что мне кажется?

— Что?

— В ранней юности Шобхонлала поразил удар ручки, украшенной браслетами. Поэтому из дома он бежал на дороги. Я не знаю всей его истории, но однажды мы с ним проговорили до вечера. За окном сквозь ветви цветущего дерева джаруль² светила луна. И он начал говорить об одной девушке. Он не назвал ее по имени, не описал ее. Но едва он заговорил о ней, его голос задрожал, и он стремительно ушел. Я понял, что в жизни у него была жестокая рана и он хочет заглушить боль беспрестанными страданиями.

Лабонно вдруг проявила интерес к ботанике, она наклонилась и стала разыскивать в траве белые и желтые лесные цветы. Ей было совершенно необходимо внимательно сосчитать их лепестки.

— А знаешь, Бонне,— снова заговорил Омито,— сегодня ты толкнула меня на дорогу.

— Как это?

— Я построил дом. Но сегодня утром из твоих слов я понял, что ты колеблешься войти в него. Два месяца украшал я этот дом и, наконец, позвал тебя: «Войди, моя невеста!» Но ты сняла брачные одежды и сказала: «Нет, мой

¹ Патаны — индийское название афганских племен, живущих в северо-западной части современного Пакистана на границе с Афганистаном.

² Джаруль — красное дерево.

друг. Там нет мне места. Наше саптапади¹ никогда не кончится».

Интерес к ботанике сразу пропал. Лабонно выпрямилась и крикнула с болью в голосе:

— Мита, больше не надо!

14. Комета

Только теперь Омито обнаружил, что его отношения с Лабонно известны всем бенгальцам Шилонга. Среди клерков правительственной конторы основной темой обсуждений было положение главных звезд на небе их жизни. И вот теперь они заметили появление двух звезд первой величины в кругу светил человеческой жизни. Как и следует наблюдателям, они стали обсуждать феерические картины из жизни этих двух новых ярких звездочек.

В самый разгар толков появился Кумар Мукхудо, адвокат. Он приехал, чтобы подышать горным воздухом. Для краткости одни называли его Кумар Мукхо, другие — Мар Мукхо. Он не входил в круг друзей Сисси, но его там знали. Омито прозвал его «комета Мукхо». Одной из причин этого было то, что, хотя комета и не была в их орбите, хвост кометы все-таки имел к ней тяготение. Все догадывались, что имя звезды, которая его притягивала, было Лисси. Все подтрунивали по этому поводу, а Лисси смущалась и сердилась. Лисси постоянно стремилась прищемить хвост кометы, но, видимо, это не причиняло никакого вреда ни хвосту, ни голове кометы.

Время от времени Омито видел издалека Кумара Мукхо на улицах и набережных Шилонга. Не увидеть его было трудно. Хотя он еще не был в Англии, его английские манеры бросались в глаза. Во рту у него всегда была длинная толстая сигара. Свое прозвище «комета Мукхо» он получил главным образом из-за нее. Омито, увидев его издали, старался уйти и утешал себя надеждой, что «комета Мукхо» этого не замечает. Однако увидеть и притвориться, что не заметил, — большое искусство. Как и воровство, оно успеш-

¹ Саптапади — момент в индийском свадебном обряде, когда невеста делает семь шагов навстречу жениху.

но, если его не обнаружили. Для этого надо уметь смотреть исподтишка.

То, что Кумар Мукхо узнал в бенгальском обществе Шилонга, можно озаглавить так: «Омито Рай бросает вызов». Больше всех любит скандалы тот, кто больше всех ими возмущается. Кумар предполагал провести здесь некоторое время, чтобы подлечить больную печень, но безмерная любовь к сплетням через пять дней вернула его в Калькутту. Прибыв туда, он, окутанный дымом своей сигары, в обществе Сисси и Лисси выложил все сплетни об Омито.

Проницательные читатели, вероятно, уже догадались, что центром притяжения для богини Сисси был Норен, старший брат Кети Миттер. Поговаривали, что эта звезда из положения объекта поклонения скоро переместится в положение супруга. Сисси была согласна, но скрывала это, окружив себя мраком непроницаемости. Норен решил рассеять эту неизвестность, посоветовавшись с Омито, но обманщик Омито и в Калькутту не возвращался и на письма не отвечал. Норен вслух и про себя ругал исчезнувшего Омито всеми английскими ругательствами, какие только знал. Мало того, он не переставая посылал в Шилонг телеграммы с отнюдь не телеграммным содержанием. Но их огненный след затерялся, как след дерзкой ракеты, устремившейся к невозмутимой звезде. В конце концов все единодушно согласились разрешить инцидент на месте. Если в пучине несчастья еще виднеется голова Омито, надо без промедления тащить его на берег. В этом отношении гораздо больше энтузиазма, чем его родная сестра Сисси, проявляла чужая ему Кети. Кети Миттер испытывала то же негодование, какое испытывают наши политические деятели при виде того, как богатства Индии грабятя англичанами.

Норен Миттер долгое время жил в Европе. Сын заминдара, он не беспокоился ни о доходах, ни о расходах; еще менее он заботился о собственном образовании. За границей все его заботы были направлены на трату денег и времени. Если выдавать себя за артиста, получишь одновременно неограниченную свободу и неожиданное самоуважение. Поэтому в погоне за искусством Сарасвати он жил во многих коупнейших городах Европы в среде, где царил богема. После нескольких попыток ему пришлось уступить настойчивым требованиям своих искренних доброжелателей и оставить живопись. И теперь, называя себя знатоком живописи, он обнаруживал свою полную непричастность к ней. Он не

мог принести пользы живописи, но вред мог принести вполне. Он старательно закручивал усы по французской моде и так же старательно пренебрегал своими лохматыми волосами. Норен был хорош собой, но, стремясь во что бы то ни стало стать еще красивее, он загромоздил свой туалетный стол парижскими косметическими средствами. Его принадлежностей для умывания хватило бы и для десятиголового Раваны. При виде того, как он небрежно бросает дорожную гаванскую сигару после двух-трех затяжек, как каждый месяц посылает свое белье почтовой посылкой в парижскую прачечную, — никто бы не осмелился усомниться в его аристократизме. Его мерки занесены в регистрационные книги лучших портняжных мастерских Европы; а если среди этих книг порыться, то там можно обнаружить имена индийских княжеств Патиала и Капуртала.

Он жеманно растягивал английские фразы, уснащенные жаргонными словечками. Его взгляд из-под полуприкрытых век был ленив и невыразителен. Знатки говорят, что из уст многих английских аристократов голубой крови льется такая же вялая и неразборчивая речь. Кроме того, среди людей его круга он считался знатоком извозчицьеи брани и английских ругательств.

Настоящее имя Кети Миттер было Кетоки¹. Ее манеры в три раза превосходили рафинированные манеры ее брата — это была концентрированная эссенция заграничного аристократизма. Она с гордостью обрезала длинные волосы, составляющие гордость простой бенгальской девушки. Так отпавший хвост головастика показывает, что его развитие поднялось на новую ступень. Она покрывала кремом лицо, хотя цвет его был красив от природы. В детстве у Кети было ласковое выражение черных глаз, но сейчас она, кажется, никого не видела, а если видела, то не замечала, а если и замечала, то взгляд ее становился похож на блеск полураскрытого ножа. Когда она была маленькой, ее губы были нежны и приятны, а теперь от частых презрительных усмешек они застыли в гримасе, напоминавшей изогнутый анкуш².

Я не знаток женских туалетов, и мне не знакомы их названия. Но в ее наряде прежде всего обращала на себя внимание просвечивающая верхняя одежда, сквозь которую

¹ Кети — англизированное имя, Кетоки — индийское имя.

² Анкуш — железная палка для управления слоном.

видно было нижнее белье другого цвета. Большая часть ее груди была открыта. Она искусно умела то облокотить свои обнаженные руки на стол или на ручки кресла, то скрестить их с небрежным изяществом. А когда она затягивалась сигаретой, держа ее двумя пальцами с маникюренными ногтями, это делалось больше ради кокетства, чем ради курения. Но что больше всего возмущало, так это изощренная форма ее туфель на высоких каблуках. Можно подумать, что творец забыл, чем отличается коза от человека, и в момент создания человека совершил ошибку. А изделие сапожника призвано теперь исправить эту ошибку.

Сисси в настоящее время занимала промежуточное положение. Она еще не получила высших знаков отличия за свое англоязычное образование, но делала большие успехи. Со звонким смехом, неудержимой веселостью, беспрестанной болтовней она кипела жизнерадостностью, и это нравилось ее поклонникам. Она, как и Радха¹ в юности, казалась то взрослой, то ребячливой. Ее туфли на высоких каблуках знаменовали победу новой эпохи, но длинные волосы, связанные узлом, свидетельствовали о том, что старая еще не минула. Хотя нижний край ее сари был короче, чем полагалось, на два-три дюйма, зато верхний край сари был задрапирован скромно. Она без всякой надобности постоянно носила перчатки, но браслеты были не на одной, а на обеих ее руках. Сигареты еще не вскружили ей голову, но бетель² она жевала с удовольствием. Она не возражала, если ей присылали маринад и сгущенный сок манго в консервированном виде. Она гораздо больше любила питх³, который едят на празднике в месяце поуш⁴, чем рождественский плам-пудинг⁵. Она научилась танцевать у европейского учителя танцев, но не могла заставить себя кружиться в паре с кем-нибудь в танцевальном зале.

Услышав людские толки об Омито, все трое — Сисси, Кети и Норен — обеспокоились и отправились в путь. Их тревога была тем сильнее, что они считали Лабонно гувер-

¹ Радха — пастушка, возлюбленная бога Кришны.

² Бетель — растение, листья которого употребляются в Индии с примесью специй для жевания.

³ Питх — сдобные лепешки, индийское национальное кушанье.

⁴ Поуш — девятый месяц индийского календаря, соответствует декабрю — январю.

⁵ Плам-пудинг — сливовый пудинг, традиционное английское рождественское блюдо.

нанткой. По их мнению, она была специально создана, чтобы губить людей их круга. Нет сомнения, она прилипла к Омито в жажде богатства и положения, и, чтобы освободить Омито, придется применить все женское искусство. Четыре пары глаз четырехглавого Брахмы смотрят на женщин с любопытством и сочувствием. Поэтому он сделал мужчин круглыми дураками там, где дело касается женщин. Значит, если мужчине не поможет родственница, ему трудно будет освободиться из любовных сетей, сплетенных другой девушкой. Обе подруги немедленно договорились о том, каков должен быть план спасения. Разумеется, вначале ничего не будет рассказано Омито. Первым делом надо узнать силы врага и осмотреть поле сражения. Тогда будет видно, какова сила чародейки.

При первой же встрече их поразил густой деревенский загар Омито. И раньше Омито не был похож на людей его круга. Однако тогда он был истый горожанин, отшлифованный до блеска. Сейчас же не только цвет кожи у него ухудшился, но и на всем его облике появился деревенский отпечаток. Он словно помолодел и, по их мнению, чуточку поглупел. Манеры его стали такие же, как и у простых людей. Раньше он реагировал на все жизненные затруднения смехом, а сейчас потерял к этому всякую охоту. Это казалось им признаком деградации.

Сисси сказала ему прямо: «Когда мы были вдали от тебя, мы думали, что ты опустился до уровня здешних горных жителей кхаси, а теперь видим, что ты стал зеленым, совсем как здешние сосны. Здоровее, чем прежде, но не такой интересный». В ответ Омито процитировал ей слова Вордсворта о том, что на человека при долгом общении с природой оказывают влияние те предметы, которые поэт назвал «немыми», «неодушевленными». Сисси подумала про себя о том, что не стоит жаловаться на немые неодушевленные предметы, но следует бояться предметов одушевленных, которые к тому же наделены искусством красноречия.

Они надеялись, что Омито сам начнет разговор о Лабонно, но прошел день, другой, третий, а Омито молчал. Однако можно было догадаться, что лодка его сердечных желаний то вздымалась, то опускалась на волнах. Утром, до того, как они вставали с постели, Омито куда-то уходил. Когда же он возвращался, на лице его отражались разнообразные чувства, напоминавшие листья, разметанные

бурей. Не мешало также призадуматься над тем, что на его постели была обнаружена книга Рабиндраната Тагора. На титульном листе книги было написано имя Лабонно, причем первая буква была выведена красными чернилами. Повидимому, книга приобрела ценность благодаря волшебному свойству этой надписи.

Омито часто исчезал. Он говорил, что делает это для того, чтобы улучшить аппетит. Все делали вид, будто никто и не догадывается о том, что в Шилонге есть что-то, кроме воздуха, что улучшает его аппетит. Сисси посмеивалась в душе, а Кети возмущалась. Омито так был поглощен своими делами, что не мог заметить тревоги окружающих. Поэтому он беззаботно объявлял двум подругам, что идет искать водопад. Ему и в голову не приходило, что другие могут усомниться в том, что это за водопад и куда падают его воды. Сегодня он сказал, что пойдет купить апельсинового меда. Обе девушки с невинным видом спокойно заявили, что этот необыкновенный мед вызывает у них неудержимое любопытство и что они тоже хотят пойти. Сказав, что дорога трудна для передвижения, Омито пресек спор в самом начале и умчался. Увидев взмахи крыльев этой пчелы, обе подруги решили тотчас же, не теряя времени, отправиться в апельсиновую рощу. Норен как раз собирался на скачки и очень хотел, чтобы Сисси пошла с ним, но Сисси не пошла. Какого усилия воли стоил ей этот отказ — знает только тот, кто был в ее положении.

15. Помеха

Две подруги вошли в ворота сада Джогомайи. Слуг не было видно. Они прошли к дому и на веранде увидели учительницу и ученицу, которые занимались, сидя у маленького столика. Нетрудно было догадаться, что старшая — это Лабонно.

Постукивая каблучками, Кети поднялась на веранду и сказала по-английски:

— Прошу прощения.

— Кого вам угодно? — спросила Лабонно, поднявшись с места.

Кети в одно мгновение, словно колючим венником, обвела ее взглядом с головы до ног и объявила:

— Мы пришли узнать, здесь ли мистер Омит Рае.

Лабонно сразу не поняла, кто такой этот Омит Рае, и ответила:

— Мы его не знаем.

Тут обе подруги молниеносно обменялись взглядами, по их губам скользнула усмешка. Кети прошипела, тряся головой:

— Мы-то знаем, что он ходит в этот дом чаще, чем следует.

Услышав это, Лабонно вздрогнула и поняла, кто они такие и какую ошибку она допустила.

— Я позову хозяйку дома,— проговорила она в замешательстве,— от нее вы все узнаете.

Как только Лабонно ушла, Кети обратилась к Шуроме:

— Твоя учительница?

— Да.

— Зовут, кажется, Лабонно?

— Да.

— Спички есть? — спросила Кети по-английски.

Сбитая с толку неожиданной просьбой о спичках, Шуроме не поняла вопроса. Она продолжала смотреть на Кети.

Кети повторила по-бенгальски:

— Спички?

Шурома подала коробку спичек. Кети зажгла сигарету, затянулась и спросила Шурому:

— Английский учишь?

Шурома кивнула и быстро убежала в дом.

— Если она и научится чему-нибудь у своей наставницы, то только не хорошим манерам,— изрекла Кети.

И обе подруги стали делиться впечатлениями: «Знаменитая Лабонно! Прекрасная Лабонно! Это она зажгла вулкан в горах Шилонга и землетрясением расколола на две части каменное сердце Омито! Забавные эти мужчины!»

Сисси громко рассмеялась. Это был искренний, веселый смех, потому что Сисси нисколько не задевало, когда мужчины называли глупцами. Она сама сокрушала каменные сердца и разбивала их на кусочки. Но странно! Одно дело — такая девушка, как Кети, и совсем другое дело — эта наставница, одетая так странно. Как неприступна! Положи ей масла в рот и то не растает! А сама — точно сверток мокрого белья. Только сядь с ней рядом — сразу отсыреешь,

как бисквит в дождливый день. Как это Омит может терпеть ее хоть одну минуту!

— Сисси, разум твоего брата давно уже перевернут вверх ногами. Только такому перевернутому мозгу эта девица могла вдруг показаться ангелом.

Сказав это, Кети швырнула сигарету на учебник алгебры и, открыв сумочку, висевшую на серебряной цепочке, напудрила лицо и карандашом подкрасила брови. Сисси не рассердилось отсутствие здравого смысла у ее брата, в глубине души она даже сочувствовала ему. Весь ее гнев был направлен на лжеангела, который бросал завлекающие взгляды мужчинам. Кети выходила из себя, видя странное безразличие Сисси по отношению к брату. Ей хотелось встряхнуть Сисси хорошенько.

В это время в белом шелковом сари появилась Джогомайя. Лабонно не вышла.

Кети привела с собой маленькую лохматую собачонку по кличке Тоби, у которой глаз не было видно из-под косматой шерсти. Тоби знакомство с Лабонно и Шуромой ограничила тем, что только обнюхала их. Но вид Джогомайи привел ее в восторг. Она налетела на Джогомайю и засвидетельствовала ей свою внезапную любовь, отпечатав следы грязных ног на ее белоснежном сари. Сисси оттащила ее за ошейник к Кети, Кети щелкнула ее по носу и сказала по-английски:

— Будешь, наконец, слушаться?!

Кети и не подумала встать со стула. Покуривая сигару, она слегка повернула голову и с независимым видом разглядывала Джогомайю. Вероятно, она сердилась на Джогомайю еще больше, чем на Лабонно. Она решила, что в прошлом у Лабонно было пятно и Джогомайя, прикинувшись доброй тетей, прилагала усилия, чтобы сбить ему Лабонно. Чтобы обманывать мужчин, не надо много хитрости: их глаза прикрывает пелена, ниспосланная самим творцом.

Сисси подошла к Джогомайе, сделала какое-то подобие номошкара¹ и представилась:

— Я Сисси, сестра Оми.

Джогомайя улыбнулась:

— Оми зовет меня маши, значит тебе я тоже маши.

¹ Н о м о ш к а р — индийское приветствие. Приветствующий подносит к лицу сложенные ладони рук.

Джогомайя заметила поведение Кети и не обращала на нее больше внимания.

— Войди в дом, дорогая,— обратилась она к Сисси.

— У нас нет времени, мы пришли только, чтобы узнать, здесь ли Оми,— ответила Сисси.

— Он еще не приходил,— сказала Джогомайя.

— А вы не знаете, когда он придет?

— Подожди немного, я схожу и узнаю.

Кети, не двигаясь с места, бросила:

— Учительница, которая здесь занималась, делала вид, что совсем не знает Омита.

Джогомайя смутилась. Она поняла, отчего Кети недовольна, поняла и то, как трудно будет добиться от них уважения.

Она сразу же перешла на официальный тон:

— Мне известно, что Омито-бабу остановился в одном отеле с вами. Вы должны знать, где он.

Кети засмеялась ей в лицо. Этот смех означал: «Скрывать-то вы умеете, а обманывать нет».

Дело в том, что при виде Лабонно, да еще после ее слов о том, что она не знает Оми, в душе Кети закипел гнев.

Сисси была только встревожена, но не рассержена. При виде красивого, спокойного лица Джогомайи она почувствовала к ней симпатию. Поэтому вызывающее поведение Кети привело Сисси в замешательство. Но она ни в чем не осмеливалась противоречить Кети, потому что Кети не терпела никаких возражений и быстро подавляла бунт. Она решилась бы на самые крайние меры. Люди большей частью робки и отступают перед напористостью. Кети гордилась своей чрезмерной резкостью и никогда не щадила своих друзей, если замечала, что кто-нибудь из них является тем, что она называла «сентиментально приятный». Если среди ее подруг оказывалась такая, которая казалась ей мягкой и безответной, она не давала ей покоя. Она выдавала свою грубость за прямоту, и те, кто боялся ударов этой грубости, старались обеспечить покой, сохранив расположение Кети. Сисси была из их числа. Чем больше она боялась Кети, тем больше подражала ей, стараясь скрыть свою слабость. Но ей не всегда это удавалось. И сейчас Кети догадалась, что в глубине души Сисси стыдится ее поведения. Кети вознамерилась решительно изгнать этот стыд в присутствии Джогомайи. Она встала со стула, подошла к Сисси, сунула ей в рот сигарету и поднесла свою зажженную сигарету, держа ее

во рту. Сисси не осмелилась возразить, хотя даже кончики ушей у нее покраснели. Она заставила себя сделать вид, что готова игнорировать всякого, кто недоволен ее западными манерами.

Как раз в этот момент явился Омито. Девушки были изумлены. Когда он уходил из отеля, на нем была фетровая шляпа и английский костюм. А сейчас на нем были дхоти и шаль. Он переменял одежду в своем домике. Там была полка с книгами, запас белья и кресло, которое дала Джогомайя. Он приходил туда отдыхать после дневного завтрака в отеле. Лабонно запретила приходить сюда во время ее занятий с Шуромой искателям водопадов и апельсинов. Так что Омито не мог утолить ни физической, ни духовной жажды до половины пятого, когда у Джогомайи пили чай. Он кое-как дотягивал до этого времени, переодевался и приходил точно к назначенному часу.

Сегодня до ухода из отеля он получил кольцо, заказанное в Калькутте. В его воображении рисовалась картина, как он оденет кольцо на палец Лабонно. Сегодня был подходящий день для этого. Такого дня не скоро дождешься. Сегодня надо отложить все дела. Он решил прийти прямо туда, где занималась Лабонно, и сказать ей: «Однажды некий падишах ехал на слоне. Ворота, через которые ему надо было проехать, были низки. Он не захотел нагнуть голову и вернулся, не попав в свой новый дворец. Сегодня большой день для нас. Ты сделала ворота своего досуга слишком низкими, сломай их, чтобы царь мог въехать в ворота твоего мира, не наклоня головы».

Омито также решил сказать ей о том, что приход во-время люди называют пунктуальностью, но ведь время, отсчитываемое часами,— не истинное время. Часы знают счет времени, но разве они знают, что разное время имеет разную ценность?

Омито посмотрел по сторонам. Небо затянуло тучами; судя по свету, было между пятью и шестью часами. На часы он не посмотрел, боясь, как бы не оказалось, что их скверные стрелки противоречат небу. Так мать, которой показалось, что после долгих дней жара лоб ребенка стал прохладнее, не решается взглянуть на термометр. Сегодня Омито появился гораздо раньше назначенного времени. Нетерпение не считается со стыдом.

Часть веранды, на которой Лабонно занималась со своей ученицей, была видна с дороги. Сейчас там никого не было.

Сердце Омито запрыгало от радости. Только теперь он взглянул на часы. Было двадцать минут четвертого. Как-то он сказал Лабонно, что люди следуют законам, а боги не признают законов. На земле мы следуем законам в надежде асладиться нектаром беззакония на небесах. Но иногда небесная свобода от законов спускается на землю, и тогда люди должны почитать ее уничтожением закона. Он надеялся, что, может быть, Лабонно поймет необходимость уничтожения заведенного порядка, ему казалось, что она почувствует всю важность сегодняшнего дня и уничтожит ее ограничения.

Он подошел ближе и увидел, что Джогомайя, одетая, стоит на пороге дома, а Сисси прикуривает от сигареты Кети. Омито сразу понял, что эта демонстрация была преднамеренной. Собачонка Тоби, проявление дружеских чувств которой было пресечено, расположилась у ног Кети и пытается задремать. Но когда пришел Омито, она опять взволновалась и захотела его приветствовать. Сисси снова наказала ее и дала ей понять, что такой способ проявления дружеских чувств здесь совсем неуместен.

Омито не удостоил вниманием двух подруг. Еще издали он закричал: «Маши!», а подойдя ближе, припал к ее ногам и взял прах от ее ног. В это время он никогда не приветствовал ее таким образом.

— Маши-ма, где Лабонно? — спросил он.

— Не знаю, дорогой, где-нибудь в доме.

— Ведь еще не кончилось время занятий.

— Я думаю, она ушла, когда пришли они.

— Пойдемте посмотрим, что она делает.

И Омито ушел с Джогомайей в дом. Он абсолютно игнорировал обеих подруг.

— Это оскорбление! Уйдем отсюда! — вскрикнула Сисси.

Кети испытывала не меньшее негодование. Но она не хотела уходить, не выяснив всего до конца.

— Мы ничего не добьемся, — сказала Сисси.

— Нет, добьемся! — ответила Кети, сверкая своими большими глазами.

Прошло еще немного времени.

— Пойдем, дорогая. Мне больше не хочется оставаться здесь, — снова предложила Сисси.

Наконец, вышел Омито, ведя с собой Лабонно. Лицо ее было совершенно спокойно. Оно не выражало ни гнева, ни презрения, ни надменности. Джогомайя осталась в доме,

у нее не было никакого желания выходить. Омито пошел и привел ее. Кети сразу же увидела кольцо на пальце Лабонно. Кровь бросилась ей в голову, глаза налились кровью, она готова была рвать и метать.

— Маши,— произнес Омито,— это моя сестра Шомита¹. Наверно, отец хотел, чтобы наши имена были созвучны², но рифмы не получилось. А это Кетоки, подруга моей сестры.

Тут снова произошел переполох. Любимая кошечка Шуромы вышла из дома. Тоби эта дерзость показала законным основанием для объявления войны. Собачонка с рычанием бросилась на кошку, но ей пришлось трусливо бежать от немедленных последствий войны — выпущенных когтей и шипенья кошки. Собачонка заняла позицию в почтительном отдалении и, считая некровожадный шум подходящим средством для проявления героизма, не связанного с опасностями, залилась неудержимым лаем. Кошка никак не реагировала на это, выгнула спину и удалилась. Кети больше не могла сдерживаться. Она яростно стала трепать Тоби за уши. Главной причиной этого истязания было дурное настроение самой Кети. Собака громким визгом выразила свой протест против такого обращения. Судьба явно потешалась над Кети.

Когда шум утих, Омито обратился к Сисси:

— Сисси, это Лабонно. Ты еще не слышала от меня ее имени, но, я думаю, слышала его от многих других. Наша свадьба состоится в Калькутте, в месяце огрохаён.

Кети тотчас изобразила на лице улыбку.

— О, поздравляю! — сказала она. — Оказывается, не так уж трудно достать апельсинового меда. Дорога совсем нетрудная, и мед сам попал в рот.

Сисси, не удержавшись, по обыкновению рассмеялась. Лабонно догадалась, что в словах был яд, но не поняла их скрытого смысла. Омито пояснил:

— Сегодня, когда я уходил, они спросили меня, куда я направляюсь. Я сказал, что за диким медом. Поэтому они и смеются. Это моя беда — люди не понимают моих шуток.

— Теперь, когда ты выиграл свой апельсиновый мед,— произнесла Кети ровным голосом,— помоги и мне остаться в выигрыше.

¹ Шомита — спокойная, скромная.

² Омито — непокорный, дерзкий.

— Что я должен сделать для этого?

— Я побилась об заклад с Нореном. Он утверждает, что тебя не затащить туда, куда обычно ходят джентльмены, что ты ни за что не пойдешь посмотреть на скачки. Я поспорила на свое бриллиантовое кольцо, что приведу тебя на скачки. Мы ходили по всем окрестным водопадам и лавкам с медом и, наконец, нашли тебя. Ведь правда, Сисси, нам пришлось много исходить в погоне за диким гусем, как это говорится по-английски, *wild goose chase*¹.

Сисси засмеялась вместо ответа.

— Я вспоминаю рассказ, который как-то слышала от тебя, Омит,— продолжала Кети.— Один персидский философ не мог найти вора, укравшего его тюрбан. Тогда он пошел на кладбище и сел там, рассудив, что уж этого места вору не миновать. Когда мисс Лабонно сказала, будто не знает тебя, я усомнилась, но что-то в душе говорило мне, что в конце концов тебе не миновать своего кладбища.

Сисси громко расхохоталась.

Кети обратилась к Лабонно:

— Омит никогда не упоминал вашего имени. Медовым языком метафор он называл вас «апельсиновый мед». Ваш ум не искушен в иносказаниях. Вы прямо сказали, что Омит вам не знаком. Но так, как это принято в воскресной школе, не произошло: ни вас, ни Омита никто не наказал. Один из вас единым глотком проглатил мед, до которого трудно добраться, а другой с первого взгляда узнал незнакомого. И только я в проигрыше. Правда, Сисси, это несправедливо?

У Сисси опять вырвался смешок. Тоби счел своим долгом присоединиться к этому взрыву смеха и стал проявлять признаки беспокойства. Пришлось его успокаивать в третий раз.

— Омит, ты знаешь, если я потеряю это бриллиантовое кольцо, я не обрету покоя,— снова заговорила Кети.— Это кольцо когда-то дал мне ты. Я никогда не снимала его, оно стало как бы частью меня самой. Неужели теперь мне придется лишиться его здесь, в горах Шилонга, проиграв в споре?

— Зачем же ты спорила на него, дорогая? — спросила Сисси.

— Я была слишком самонадеянна и слишком верила в мужчин. Моя самонадеянность прошла. На этот раз я про-

¹ Погоня за недостижимым, сумасбродная затея.

играла свои скачки. Мне кажется, что мне не добиться уже согласия Омито. Зачем же ты так нежно подарил мне кольцо, если собирался так оскорбить меня? Разве этот дар ни к чему не обязывал? Разве он означал, что когда-нибудь ты оскорбишь меня?

У Кети прерывался голос, она с трудом подавляла рыдание.

Это произошло семь лет назад. Кети было тогда восемнадцать лет. Однажды Омито снял кольцо с пальца и одел его на палец Кети. Они находились в Англии. Один пенджабец, студент Оксфордского университета, был страстно влюблен в Кети. В тот день Омито и этот пенджабец состязались в гребле. Победа досталась Омито. Июньское небо в сиянии лунного света обрело красноречие, даже сама земля потеряла самообладание, опьяненная ароматом полевых цветов. Тогда-то Омито и одел на палец Кети это кольцо. Это означало много, но в этом не было никакого тайного смысла. В те времена смех Кети был жизнерадостен, лицо не было набелено, и ничто не мешало ей краснеть. Надев кольцо, Омито прошептал ей на ухо:

Ночь прекрасна,
И трон этой ночи — блаженство царицы-луны.

Кети тогда не умела много говорить. Она глубоко вздохнула и словно про себя прошептала: «*Moi ami*», что по-французски означает «мой друг».

Сейчас слова застыли на устах Омито. Он не мог придумать, что ответить.

— Если уж я проиграла спор, Омит, пусть лучше у тебя будет знак моего решительного поражения. — Сказав это, Кети сняла кольцо, бросила его на стол и быстрыми шагами вышла. По ее набеленным щекам катились слезы.

16. Освобождение

Лабонно получила коротенькое письмо от Шобхонлала: «Я приехал в Шилонг вчера вечером. Если вы позволите, я зайду к вам. Если не позволите, я завтра же уеду. Вы наказали меня, но я до сих пор не могу понять, когда и в чем я провинился. Я приехал к вам теперь, чтобы услы-

шать об этом, иначе я не обрету покоя. Не бойтесь, больше я ни о чем не прошу».

Глаза Лабонно наполнились слезами, она вытерла их. Молча сидела она, вспоминая прошлое. Она думала о юношеском страхе, из-за которого она заглушила, не дала пробиться нежному растению любви. Теперь оно заполнило бы всю ее жизнь и она смогла бы воспользоваться его плодами. Но она чересчур гордилась своими знаниями, целиком была поглощена занятиями и слишком ценила свою самостоятельность. Ослепление ее отца заставило ее смотреть на любовь как на слабость. Но теперь любовь отомстила ей, и ее гордость повержена в прах. То, что раньше было так же легко, как дышать или смеяться, стало теперь трудным. Нелегко было приветствовать от всей души гостя из прежней жизни. Но было бы жестоко отвернуться от него. Она вспомнила несчастную, съезженную фигуру униженного Шобхонлала. Это было так давно. В каком нектаре бессмертия столько времени сохранялась отвергнутая любовь юноши? Этим нектаром было благородство его души.

Лабонно написала ответ: «Вы — лучший из всех моих друзей. У меня нет сокровищ, которыми я могла бы отблагодарить вас за вашу дружбу. Вы никогда не просили ничего взамен, и даже сегодня вы явились, чтобы дать то, что имеете, не требуя ничего. У меня не хватает ни решимости, ни безжалостности, чтобы отказаться от вашего дара и попросить вас уйти».

Она уже отправила письмо, как вдруг пришел Омито. — Бонне, — сказал он, — пойдем погуляем.

Он говорил очень неуверенно, так как боялся, что Лабонно не согласится.

Но она ответила просто:

— Пойдем.

Они вышли. Омито робко взял руку Лабонно. Она не протестовала и не отняла ее. Омито крепко сжал ее руку. Только так мог он выразить свои чувства, слова отказывались служить ему.

Они пришли к тому месту, где встречались раньше, на лесную поляну, где внезапно расступался лес. Солнце зашло, оставив последний отблеск на вершине безлесной горы. Чудесные переливы зеленого цвета постепенно переходили в нежно-голубой. Лабонно и Омито остановились и посмотрели на закат.

— Зачем ты заставил меня принять кольцо, если рань-

ше надел такое же на палец другой? — мягко спросила Лабонно.

— Как объяснить тебе все это, Бонне? — с болью ответил Омито. — Я действительно надел кольцо на палец другой. Но разве та, которая сняла кольцо с пальца сегодня, была той, которой я надел кольцо?

— Одна из них создана любовью творца, другая создана твоим пренебрежением.

— Это не совсем так. Удары, сделавшие Кети такой, какова она теперь, не все нанесены мной.

— Когда-то она целиком доверилась тебе. Почему же ты не сберег ее? Сначала ты, не важно по какой причине, выпустил ее из своих ладоней, после этого десятки ладоней оставили на ней свой отпечаток и изменили ее. Утерев тебя, она стала подделываться под разные вкусы. Поэтому-то она похожа на заграничную куклу. Этого бы не случилось, если бы ее сердце не было разбито. Но оставим это. Я хочу просить тебя об одолжении, и ты должен обещать мне выполнить его.

— Говори, я непременно выполню.

— Съезди с друзьями на неделю в Черапунджи. Даже если ты не сможешь сделать Кети счастливой, ты доставишь ей удовольствие.

После паузы Омито произнес:

— Хорошо.

Лабонно склонила голову на грудь Омито.

— Мита, я хочу тебе что-то сказать, чего я никогда больше не повторю. Внутренние узы, которые существуют между нами, пусть не тревожат тебя. Я говорю это не потому, что сержусь, но потому, что глубоко люблю тебя. Не давай мне кольца, не надо никаких знаков. Пусть моя любовь будет свободна от всяких внешних проявлений.

Сказав это, Лабонно сняла кольцо и нежно надела его на палец Омито. Омито не мешал ей.

День угас. Земля в молчании подняла лицо к небу, залитому лучами заката. Так же безмолвно, так же излучая умиротворение, Лабонно подняла лицо к склонившемуся лицу Омито.

Через семь дней Омито вернулся и отправился к Джогомае. Но дом был закрыт и там никого не было. Куда все уехали — неизвестно.

Омито постоял под эвкалиптовым деревом. Сердце у него защемило. Он стал ходить взад и вперед. Подошел знакомый садовник, поздоровался и предложил:

— Открыть дом? Может, вы хотите войти?

— Да,— ответил Омито, немного поколебавшись.

Он вошел в кабинет Лабонно. Стол, стул, книжная полка были на месте, но книги исчезли. На полу валялись два пустых разорванных конверта, на них незнакомой рукой был написан адрес и имя Лабонно. На столе лежало несколько старых перьев и маленький огрызок карандаша. Омито сунул его в карман. Рядом с кабинетом находилась спальня. В ней Омито увидел только железную кровать с матрацем да туалетный столик с пустым флаконом из-под масла. Омито бросился на матрац и обхватил голову руками. Железная кровать закрипела. Немая тишина заполнила комнату и не отвечала на его вопросы. Казалось, это оцепенение никогда не нарушится.

Совершенно обессиленный, Омито пошел в свою хижину. Все было так, как он оставил. Даже кресло Джогомайя не взяла. Омито понял, что Джогомайя оставила кресло как свой душевный дар ему. И Омито показалось, что он слышит мягкий, нежный голос, зовущий его: «Сын мой...» Омито склонил голову и совершил пронам перед этим креслом.

Шилонгские горы утратили теперь свою притягательную силу. Омито нигде не мог найти успокоения.

17. Последняя поэма

Джотишонкор учился в колледже в Калькутте и жил в общежитии. Омито часто приглашал его к себе обедать, читал с ним разные книги, удивлял его неожиданными рассуждениями, совершал с ним прогулки на своей машине.

Но в течение некоторого времени Джотишонкор не имел никаких определенных вестей об Омито. То он слышал, что Омито в Утакамунде, то в Найнитале. Однажды он услышал, как друг Омито ядовито заметил, что Омито занят смыванием заграничной краски с Кети Миттер. Он нашел себе задачу по сердцу — изменение окраски. До сих пор Омито утолял свою жажду созидания словами, а теперь он получил живое существо. Что касается этого существа, то

оно само хотело сбросить с себя яркие лепестки в надежде на будущие прекрасные плоды. Говорили, будто сестра Омито сказала про Кети, что ее совсем нельзя узнать и что она стала совсем естественной. Она даже просила друзей звать ее Кетоки. Если она видела девушку, одетую в сари из тонкого шантипурского муслина, это казалось ей таким же бесстыдством, как и ходить в ночной рубашке. Ходили слухи, будто наедине Омито звал ее Кея. Поговаривали даже, что во время катанья на лодке по озеру Найнитал Кети правила, а Омито читал ей «Бесцельное путешествие» Рабиндраната Тагора. Джотишонкор понял, что душа Омито, распустив паруса, в праздничном настроении мчится по волнам.

Наконец, Омито вернулся. Молва твердила о его свадьбе с Кетоки, но сам Омито никогда не говорил об этом Джоти. Поведение Омито тоже изменилось. Он, как и раньше, покупал английские книги и дарил их Джоти, но больше не обсуждал их с ним по вечерам. Джоти мог догадываться, что поток дискуссий нашел новое русло. Теперь Омито не приглашал Джоти на автомобильные прогулки. В годы Джоти не так уж трудно понять невозможность участия третьего лица в «бесцельном путешествии» Омито.

Больше сдерживаться Джоти не мог. Он спросил Омито прямо:

— Омито-да, я слышал о твоей свадьбе с Кетоки Миттер.

После маленькой паузы Омито спросил вместо ответа:

— Лабонно слышала об этом?

— Нет, я ей не писал. Я не писал ей, потому что не слышал от тебя подтверждения этого.

— Эти слухи справедливы. Но я боюсь, что Лабонно неправильно их поймет.

Джоти засмеялся:

— Что же тут не понять? Если ты женишься, значит женишься. Все очень просто.

— Знаешь, Джоти, в жизни все сложно. Слово, которое в словаре имеет только одно значение, в жизни может иметь подюжины. Ведь и Ганг, приближаясь к океану, дробится на много рек.

— То есть,— подхватил Джоти,— ты хочешь сказать, что женитьба не есть женитьба.

— Я хочу сказать, что слово «женитьба» имеет тысячу значений. Это слово приобретает смысл только в жизни че-

ловека. Убери человека — и трудно будет определить значение.

— А скажи, какое значение ты вкладываешь в это слово?

— Его нельзя определить. Ему надо дать жизнь. Если я скажу, что главный смысл этого слова — любовь, мне придется определять слово «любовь», а то, что называют любовью, еще теснее связано с жизнью, чем женитьба.

— В таком случае, Омито, надо прекратить дискуссию. Если мы будем гнаться за смыслом с грузом слов на плече, а смысл будет увильгивать от нас из стороны в сторону, у нас ничего не получится.

— Правильно, брат мой. В моем обществе у тебя развязался язык. В мире надо так или иначе делать дела, поэтому слова совершенно необходимы. Слово не может охватить всего смысла, поэтому в наших повседневных делах мы пользуемся неполноценными словами. Что же делать? От этого не устанавливается взаимное понимание, и мы продолжаем работу с закрытыми глазами.

— Тогда что ж, нам надо кончать сегодняшний разговор? — спросил Джоти.

— Можно кончить, если этот разговор — только умозрительные упражнения, не имеющие никакого отношения к жизни.

— А давай допустим, что они имеют отношение к жизни.

— Ладно, тогда слушай.

Здесь не лишним будет дать маленькое пояснение. Джоти частенько приходил на чашку чая, который собственно-ручно разливала Сисси, младшая сестра Омито. Можно предполагать, что по этой причине Джоти несколько не обижался на то, что Омито больше не приглашал его среди дня обсуждать литературные проблемы и перестал совершать с ним автомобильные прогулки по вечерам. Он простил Омито всем сердцем.

— С одной стороны, — продолжал Омито, — кислород присутствует в воздухе. Если бы его не было, жизнь была бы невозможна. С другой стороны, кислород горит, соединяясь с углем, и этот огонь находит большое применение в жизни. В обоих случаях мы не можем обойтись без кислорода. Теперь ты понимаешь?

— Не совсем, но я хотел бы понять.

— Есть любовь, которая вольно плавает по небу. Эта

любовь согревает душу. А есть любовь, которая растворяется в повседневных делах. Эта любовь вносит тепло в семью.

— Я что-то не разберу, понял я тебя или нет. Скажи яснее, Омито-да.

— Было время, когда я распростер крылья и достиг вершины моего полета. А сейчас я сложил крылья и сижу в своем маленьком гнездышке. Но я не забыл о моем небе.

— Но разве невозможно иметь жену и друга в одной?

— В жизни могут совершаться счастливые случайности, но они не совершаются. Счастлив тот, кто получает сразу принцессу и полцарства. Но человек, который в правой руке держит царство, а в левой принцессу, тоже счастливее, хотя и не может их объединить.

— Но...

— Но в романах, которые вы выдумываете, это случается редко? Нисколько. Разве мы должны создавать романы по книжным образцам? Никоим образом! Я сам создам свой роман! Я храню мой первый роман на моем небе, на земле я создам новый роман. Ты называешь романтиками тех, кто для спасения одного из этих романов губит другой. Они либо плавают в воде, как рыбы, либо крадутся по земле, как кошки, либо, как летучие мыши, летают по воздуху. Я — парамаханса¹ романа. Я разом постигну истину любви на земле и на небе. Мои неприступные владения основаны на речном островке, а когда я устремлюсь к высшему духу, мой путь будет пролегать по широкой дороге небес. Да здравствует моя Лабонно! Да здравствует моя Кетоки! Да будет благословен Омито Рай!

Джоти молчал, словно эти мысли были ему неприятны. Заметив выражение его лица, Омито усмехнулся и сказал:

— Послушай, брат, то, что я сказал, не является общим мнением. Это мое собственное мнение. Будет ошибкой приписывать эти мысли тебе, ты рассердишься на меня. На земле происходит много беспорядков и неурядиц оттого, что люди вкладывают в слова других свой смысл. Ну, я еще раз поясню тебе свои мысли. Мне придется облечь свои слова в образную форму, иначе обнаженные слова застыдятся. То, что привязывает меня к Кетоки, — любовь. Но эта любовь — как вода в сосуде, которую я черпаю каждый день и каждый день пью. Любовь, которую я испы-

¹ Парамаханса — аскет, преодолевший все страсти.

тываю к Лабонно,— это озеро, которое нельзя вместить в сосуд, в этом озере плавает моя душа.

Джоти спросил в замешательстве:

— Но, Омито-да, разве нельзя выбрать одну из двух?

— Кто может — пусть выбирает. Я не могу.

— Но если шримоти Кетоки...

— Она знает все. Но понимает ли она все до конца, я не знаю. Всей моей жизнью я докажу ей, что не обманываю ее ни в чем. Ей также следует знать, что она должница Лабонно.

— Все так, но шримоти Лабонно надо сообщить о вашей женитьбе.

— Конечно, я сообщу. Но прежде я хочу послать ей письмо. Ты передашь?

— Передам.

Вот письмо Омито:

«В тот вечер, когда мы стояли у края дороги, я закончил наше путешествие стихами. Сегодня я тоже остановился у конца пути, и я хочу отметить этот последний момент стихами, потому что ему не соответствует тяжесть других слов. Несчастный Нибарон Чокроборти умер, подобно нежной рыбе, как только был пойман. И так как этому теперь нельзя помочь, я поручаю твоему любимому поэту передать тебе мои последние слова:

Навсегда я запомнил, какой ты была в ту минуту прощанья,—

В мире сердца незримо продлен твой последний приход...

Вечный камень алхимиков — мой! Он, бессмертие в жизнь воплощая

И заполнить во мне пустоту научив тебя,— силу дает...

Было смутным мое бытие, но, признав, я увидел мгновенно

В сердце — темном чертоге — твой дар: твой вечерний светильник

в окне,

Из огнища разлуки взойдя — из костра этой жертвы священной,

К нам печально вернулась любовь, как божественный образ в огне!

Мита».

Прошло некоторое время. Как-то Кетоки отправилась на праздник аннапрашан¹ к племяннице. Омито остался дома. Он сидел в кресле, положив ноги на стул перед собой, и читал «Письма» Вильяма Джемса², когда Джотишонкор принес ему письмо от Лабонно. На одной стороне листа сообщалось, что свадьба Лабонно и Шобхонлала будет че-

¹ Аннапрашан — торжественная церемония, когда грудному ребенку первый раз дают рис.

² Вильям Джемс (1842—1910) — американский психолог и философ.

рез полгода, в месяце джойштхо¹, в горах Рамгарх. На другой стороне были стихи:

...Слышишь ли шорох летящего времени?
Вечно его колесница в пути...
Сердца удары нам слышатся в небе,
Звезды во тьме колесницей раздавлены,—
Как не рыдать им у тьмы на груди?..
Друг мой!

Время мне бросило жребий,
В сети свои захватило меня,
Мчит в колеснице опасной дорогой,
Слишком от мест, где ты бродишь, далекой,
Там, где уже не увидишь меня,
Там, где неведомо, что впереди...

Кажется мне: колесницей захвачена,
Смерть уже тысячу раз победив,
Вот я сегодня взошла на вершину,
В блеске зари обогрэнно-прозрачную...
— Как не забыть твое имя в пути?

Ветер ли старое имя развеял?
Нет мне дороги в мой брошенный край...
Если увидеть пытаешься издали —
Не разглядишь меня...
Друг мой, прощай!

Знаю, когда-нибудь в полном спокойствии,
В позднем покое когда-нибудь, может быть,
С дальнего берега давнего прошлого
Ветер весенний ночной принесет тебе вздох от меня!
Цветом бакуля опавшим и плачущим
Небо тебя опечалит нечаянно,—
Ты погляди, не осталось ли что-нибудь
После меня?..

В полночь забвенья
На поздней окраине
Жизни твоей

Погляди без отчаянья,—

Вспыхнет ли?

Примет ли облик безвестного сонного образа, будто случайного?..

...Это не сон!
Это — вся правда моя, это — истина,
Смерть побеждающий вечный закон.
Это — любовь моя!

Это сокровище,—
Дар неизменный тебе, что давно еще
Был принесен...

В древний поток изменений заброшена,
Я уплываю,— и время несет меня
С края на край,

¹ Дж о й ш т х о — второй месяц индийского календаря, соответствует маю — июню.

С берега к берегу, с отмели к отмели...

Друг мой, прощай!

Ты ничего не утратил, по-моему...

Вправе и пеплом и прахом играть,—

Создал бессмертной возлюбленной образ,

Блеск и сиянье бессмертной возлюбленной вызвать из сумрака можешь опять!

Друг!

Это будет вечерней игрою,

Не помешает меня вспоминать...

Жадным движеньем обижен не будет

Трепет левкоев на жертвенном блюде.

Ты обо мне не печалься напрасно —

Дело достойное есть у меня,

Есть у меня мир пространства и времени...

Разве избранник мой беден? О нет!

Всю пустоту я заполню опасною,—

Верь, что всегда выполнять я намерена

Этот обет.

Если же кто-нибудь — озабоченный —

Ждать меня будет с тайной тревогою,—

Счастлива буду — вот мой ответ!

Из половины светлой месяца в темную половину вынеся

Благоухающий сноп тубероз,—

Кто,— пронеся их дорогою долгою,—

В ночь теневой половины месяца

Жертвенный мог бы украсить поднос?

Кто и меня увидал бы в радости

Безграничного всепрощения?..

Соединятся злое и доброе,—

Им на служенье себя отдам!

Вечное право я получила,

Друг мой, на то, что сама отдала тебе...

Ты принимаешь мой дар по частям.

Слыша печальных мгновений течение,

Ими наполни ладонь — и напейся:

Сердце мое, как пригоршню, любовно

Я подставляю твоим устам...

О несравненный!

Я дар принесла тебе:

Все, что дарю,— мне тобою даровано,

Сколько ты принял — настолько должницею

Ты меня сделал...

О друг мой,

прощай!

Бонне

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
1. История Омито	9
2. Столкновение	22
3. Первое отступление	27
4. Прошлое Лабонно	30
5. Начало дискуссий	34
6. Признание	38
7. Сватовство	46
8. Доводы Лабонно	56
9. Перемена жилища	59
10. Вторая садхана	63
11. Философия любви	68
12. Последний вечер	73
13. Тревога	80
14. Комета	87
15. Помеха	92
16. Освобождение	100
17. Последняя поэма	103

РАВИНДРАНАТ ТАГОР

Последняя поэма

Редактор Э. Боровик
Художник Ю. Боярский
Технич. редактор Ж. Примак
Корректоры Н. Манушина
и М. Фридкина

Сдано в набор 13/IV 1956 г. Подпи-
сано в печать 6/VIII 1956 г. А 09938.
Бум. 84×108⁴/₃₂. 3,5 печ. л. = 5,74
усл. печ. л. 6,05 уч. изд. л. Ти-
раж 165 000. Зак. № 706.

Цена 1 р. 80 к.

Гослитиздат
Москва, Б-66. Ново-Басманная, 19.

Книжная фабрика им. Фрунзе
Главиздата Министерства куль-
туры УССР, Харьков, Донец-
Захаржевская, 6/8.

1 р. 80 к.

Послѣтні здані
1956

